

Его величество Случай

Ирина

МЕЛЬНИКОВА

Георгий **ЛАНСКОЙ**

Ключи Пандоры

Его величество случай

Ирина Мельникова

Ключи Пандоры

«ЭКСМО»

2015

Мельникова И. А.

Ключи Пандоры / И. А. Мельникова — «Эксмо», 2015 — (Его величество случай)

Скорее всего, эта история – пустышка, коих в их репортерской профессии тысячи. А вдруг, наоборот, то самое, чего любой журналист ждет всю жизнь?.. Юля поняла: она не успокоится, пока не размотает клубок странных событий до конца. И не позволит своему старому другу Никите, с которым у нее когда-то случился бурный, но короткий роман, одному заниматься этим делом. Слишком опасно! Они будут рыть землю носом, но выяснят, что за таинственный объект упал ночью в тайгу. Приятель Никиты случайно заснял этот момент на телефон, после чего бесследно исчез... Жив ли он? И почему жители соседней деревни боятся ходить в тот лес? Вряд ли дело в поселившихся там сектантах-солнцепоклонниках... Кто бы мог подумать, что в этой глухомани наберется столько тайн! Ни Юля, ни Никита даже не подозревали, в какую авантюру они ввязываются...

© Мельникова И. А., 2015

© Эксмо, 2015

Содержание

Пролог	6
Часть I. Небеса в огне	13
Глава 1	13
Глава 2	17
Глава 3	22
Глава 4	25
Глава 5	28
Глава 6	31
Глава 7	36
Глава 8	41
Глава 9	45
Часть II. Серый кардинал	49
Глава 1	49
Глава 2	53
Глава 3	57
Конец ознакомительного фрагмента.	58

Ирина Мельникова, Георгий Ланской

Ключи Пандоры

© Мельникова И., Ланской Г., 2015

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2015

* * *

Пролог

26 мая 201... года. Деревня Миролюбово

Максим лежал на стоге сена, глядел в ночное небо и отчаянно зевал. Скука навалилась пудовой тяжестью, давила и выламывала челюсти.

В чернильной темноте остро и холодно сверкали звезды. Окна в деревне давно уже не светились, и только где-то далеко-далеко на горизонте изредка вспыхивали зарницы. Старики укладывались рано. А вот ему не спалось. Свою норму он выбрал днем, провалявшись на сеновале с книжкой в руках. Но книга попала скучная – про колхозную жизнь и битвы за урожай, так что сон его свалил где-то на третьей странице. Но угрызений совести Максим не испытывал. Чем тут еще заняться? От тоски и безделья он даже забор попытался починить. Вышло скверно, бабка, правда, не корила, но за спиной несколько раз выразительно вздохнула. Конечно, ей не понять, почему внук, взрослый, по сути, парень, не умел ни гвоздь забить, ни печь растопить, даже огород вскопать для него непростая задачка. Но зачем бабушке знать, что у него лучше всего получалось косить. Причем не траву...

Максим перевернулся на живот. Прямо по курсу маячил бабушкин дом – простая деревенская изба с тремя окнами на фасаде, большими сенями и крыльцом в четыре ступеньки.

В воздухе витали запахи прелого сена и молодой листвы. Деревья о чем-то монотонно шептались, видно, делились сплетнями, но день за днем вокруг ничего не происходило, поэтому все пересуды наверняка сводились к одной-единственной фразе: «А вы слышали, что...»

И правда, какие могут быть новости в заброшенной деревне, где осталось с десятков обитаемых домов, да и в тех жили одни пенсионеры – больные, скучные в своей немощности, взиравшие на мир поблекшими от старости глазами. Ежедневно они выползали из своих домишек, грели старые кости на завалинках и чесали языками. Иногда приглашали Макса посидеть рядом, и он, бывало, соглашался. А что еще оставалось в глухом медвежьем углу, кроме как поболтать о том, что в голову взбредет, перемолоть словесную шелуху, послушать или сделать вид, что слушаешь, маразматический лепет?

Бабка, конечно, была рада его приезду. Несмотря на вялые уговоры дочери, она гордо отказалась перебраться в город и осталась жить в своем Миролюбове, в котором давно закрылись и медпункт, и почта, и даже магазин работал только с весны по осень, а пенсию в непогоду доставляли на вездеходе. Перед зимой старики запасались продуктами: парой мешков муки и сахара, подсолнечным маслом, спичками и солью. Запасы хозяйственного мыла хранились в чуланах еще с советских времен, так что долгую зиму можно было пережить без особых потерь и потрясений. Разбитую дорогу власти давно забросили, зимой ее затягивало двухметровыми сугробами – ни пройти ни проехать, и жители находились на положении Робинзона Крузо, с одним отличием, что первая автолавка, как привет от цивилизации, навещала их накануне Пасхи, а то и Первомая.

Бабкина мотивация деревенской жизни, по мнению Макса, была глупой и неосмотрительной, и он всякий раз морщился, когда слышал, что она всего лишь хочет умереть на родной земле.

Какая разница, где умирать? Что за глупости? Покойнику все равно, где тлеть: в родных краях или на чужбине. Земля одинаково терпима и к старикам, и к молодым, к убийцам и к их жертвам. Ей безразлично, скончался ли ты в постели в присутствии рыдающих родственников или затянул петлю на шее в грязном сарае. Для всех она пухом, независимо от места рождения и толщины кошелька, цвета кожи и вероисповедания. Примет и африканского язычника, и праведного христианина. Никому не откажет... Однако бабка уперлась рогом и, не слушая здравые доводы, переезжать к дочери наотрез отказалась.

От долгого безделья Максим приходил в бешенство, но ничего не мог изменить. Мобильная связь постоянно барахлила, а то исчезала на сутки и больше. Но если и работала, то голос собеседника едва пробивался сквозь шумы и шорохи – почти потусторонние, как в тех фильмах ужасов, где зловещие девочки лезли из колодца, чтобы забрать душу героя. По этой причине общение с внешним миром состояло из эсэмэсок и обмена фотографиями.

Единственный на всю деревню исправный телевизор был у его бабушки, но и он с трудом ловил только Первый канал. Лишь иногда прорывались «Вести», но треск, помехи забивали голоса и изображение. И все-таки местные старушки исправно собирались посмотреть очередной малобюджетный сериал, притянутый к реалиям России. Страсти кипели в родном антураже, только сюжеты остались прежними – ходульными и предсказуемыми. Отечественные Марианны, как их соратницы бразильянки и аргентинки, теряли память, детей и деньги, местные Луисы Альберто изменяли возлюбленным налево и направо, кутили в кабаках и прожигали деньги в подпольных казино, а затем вовремя женились на горничных, ставших вдруг наследницами миллионного состояния. Актеры были скверными, диалоги – нудными, чувства – пластиковыми, а сами сериалы – бездарным хламом, заполонившим российские телеканалы.

– Максюша! – позвала бабка от крыльца.

– Чего? – рявкнул он в ответ, отчего сонная ворона, прикорнувшая на воротах, заполшно каркнула и едва не свалилась в крапиву.

Поднявшись на крыло, она устроилась на вековой березе, чьи огромные ветви нависали над старой шиферной крышей, заросшей зеленоватым мхом.

Бабка была глуховата, и Максим это знал. Вот и сейчас, подслеповато щурясь, она пыталась разглядеть в темноте внука.

– Максюша! – позвала она более уверенно. – Ужинать будешь?

– Потом, ба! – недовольно крикнул он.

– Когда потом? – спросила она тоскливо.

«Потом» означало, что внук примется брэнчать мисками за полночь, по обычаю, не найдет хлеб или чугунок, заботливо упрятанный в глубь русской печки, рассердится, забурчит громко и, конечно же, разбудит ее, нарушит хрупкий сон. И тогда придется вставать и собирать на стол. А ей, умаявшейся за день на огороде, страсть как не хотелось этим заниматься. Упасть бы сейчас в кровать в объятия пуховой перины, просушенной на солнышке, и не вставать до рассвета.

– Я скоро! – сбавил тон Максим. – Дверь только не запирай. Я тут еще немного побуду.

Бабка постояла с минуту на крыльце, а затем, махнув рукой, ушла в дом. В конце концов, не маленький, дверь запрет, ужин она на столе оставит – ничего с ним за пару часов не случится, пусть даже внук позабудет убрать остатки в старенький холодильник. Внуки – всегда в радость, а Максим у нее хороший! И воды натаскает, и дров нарубит, и в огороде иногда поможет. Правда, тот еще неумеха. Но что поделаешь? Городские они такие! Не приучены к настоящей жизни, потому что горя не знали, не испытали ни голода, ни холода...

Максим услышал, как хлопнула дверь, и снова уставился в небо. К бабушке он приезжал дважды в год, весной и осенью, с началом призыва в армию. На взятки у матери не было денег, откуда они у простой учительницы? Неизлечимыми болезнями он не страдал. Хоть бы плоскостопие банальное имелось, так ведь ничего! В институт с военной кафедрой Максим не поступил из-за природной лени – не лезли науки в голову со школьной скамьи. Оставался один вариант – скрыться от вездесущих офицеров военкомата куда-нибудь подальше, чтобы не нашли даже с собаками.

Солнце давно скрылось за горами, но прохладнее не становилось. Футболка прилипла к телу, сенная труха неприятно колола кожу. Он обреченно вздохнул: «Сходить, что ли, искупаться?» И на спине скатился со стога. Мельком глянул на темные окна дома. Бабка явно легла

спать. Это она только соседкам рассказывает, как всю ночь глаз не смыкает. На деле начинает храпеть, едва только голова коснется подушки.

Максим усмехнулся и решительно направился в сторону озера, которое лениво плескалось сразу за околицей.

В прошлом году из-за плохой погоды он ни разу в него не окунулся. Но сейчас стояла небывалая для мая жара. Неглубокое озерцо прогревалось до дна, и к вечеру вода становилась почти горячей. Берега были топкими, так что искупаться можно было только в одном месте – рядом с тропинкой, что вела от деревни. Справа и слева от деревянных мостков торчали из желтой воды, словно часовые, жесткие стебли камыша. За озером вздымалась черная стена леса. Местные туда почему-то не ходили. Объясняли, что со стороны Миролюбова лес ничуть не хуже, а грибы да ягоды сами, мол, лезли в лукошки.

За этим лесом находилось большое село с хорошими дорогами, магазинами, добротными домами со спутниковыми тарелками на крышах. Но Максим так и не побывал ни в чужом лесу, ни в соседнем селе. Всякий раз что-то останавливало от похода за озеро. Может, жара, а скорее всего, примитивная лень. Старики о селе рассказывали неохотно, а стоило ему поинтересоваться лесом, тут же переводили разговор в другое русло. Даже бабушка отмахивалась от его расспросов, смотрела почти с суеверным ужасом и, мелко крестясь, почему-то оглядывалась на деревянные резные рамки, что висели над ее кроватью, с двумя десятками старых фотографий крепких мужиков в картузах и буденовках и скуластых деревенских теток в платочках.

Скинув с себя одежду, Максим аккуратно сложил ее на мостки, сверху пристроил мобильник, затем, недолго думая, стащил трусы. Подглядывать тут некому, а если и было бы кому, то все развлечение повеселить любопытных. Он неуклюже сполз с мостков и, когда вода дошла до пояса, нырнул в прохладную темноту, пахнущую водорослями.

Доплыв до середины озера, Максим лег на спину и, распластавшись на воде, как морская звезда, застыл, покачиваясь на теплых волнах. Надкусанный ломоть луны поднялся над лесом и завис в небе. Отсвет ее разбился о воду на тысячи осколков. Мертвую тишину не нарушал ни один звук – ни шепот камышей, ни кваканье лягушек, лишь прокричала вдалеке ночная птица и тут же смолкла, словно поперхнулась.

Этот крик странным образом насторожил его. Откуда-то примчался ветер, взбил волну, и тогда, не раздумывая, Максим поплыл к берегу. На мостках он попрыгал на одной ноге, избавляясь от воды в ушах, и натянул трусы. После долгого купания он изрядно замерз и, стуча зубами, принялся одеваться.

Телефон выскользнул из мокрой руки, но Максим удачно подхватил его в последний момент и не на шутку испугался. Не хватало, чтобы мобильный свалился в воду! Тогда все! Каюк связи и немудреным развлечениям типа простеньких игр!

Он удовлетворенно вздохнул, затолкал телефон в карман штанов и чуть не свалился с мостков от неожиданности. Багровая вспышка расплосовала небо, ослепила, заставила зажмуриться, а по ушам, разрывая перепонки, ударил резкий пронзительный свист. Он оглянулся и обмер от ужаса. С неба от деревни на него перла раскаленная треугольная громадина, вся в сполохах пламени по краям.

Трясущимися руками он вытащил телефон и включил видеозапись. Странная штука, оставляя за собой густой дымный шлейф, под острым углом пронеслась с диким ревом над озером и, ломая верхушки деревьев, на миг зависла над лесом, и вновь – раскалывающий голову свист, словно мимо промчались с десятков электричек одновременно, и воздушная волна, что пригнула камыши и взбаламутила воду.

Стиснув зубы, он обхватил голову и присел на корточки, приготовившись к удару и страшному грохоту. Он не сомневался, что странный объект вот-вот врежется в землю. Но если эта штука взорвется, как атомная бомба, то не спасешься, даже прыгнув в воду. Озеро просто испарится, впрочем, как он сам. А от деревни и леса и даже от почвы останется только

корка, спекшаяся от чудовищного жара. Максим глухо завыл от ужаса и на четвереньках пополз по мосткам к берегу.

Время точно увязло в липком сиропе. Взрыва не было, как и смертельной вспышки. Дымный след разогнал ветер с озера, заквакали лягушки, загудели комары. Максим поднялся с травы, мокрой от ночной росы. К своему удивлению обнаружил, что телефон, который он крепко сжимал в руке, продолжал снимать. Он быстро отключил запись и затем, словно боясь обмануться, нажал кнопку воспроизведения.

Нет, он не ошибся! Странный объект с мерзким свистом и снопами искр валился на лес... Но, если удара о землю не было, исчезли багровые всполохи в небе и свист прекратился, словно заглохли двигатели, значит...

Максима заколотило от радостных предчувствий. А вдруг объект приземлился где-то поблизости? Что там говорят ученые? Неужто контакт? Неужто инопланетяне? Иное просто не укладывалось в голове, потому что раскаленная штука очень смахивала на корабль пришельцев. По крайней мере, нечто подобное он видел в голливудских блокбастерах.

Не разбирая дороги, Максим бросился к лесу, огибая озеро по широкой дуге. С непривычки в боку закололо, но он упрямо мчался вперед. Порывы ветра высушили влажные волосы, в горле першило, но он уже достиг противоположного берега и замер на опушке, раздумывая, идти или не идти дальше.

Эйфория улетучилась быстро при виде глухой чащобы. А голова вновь обрела способность соображать. Теперь он понимал, что поступил опрометчиво. С одной стороны, соваться в лес среди ночи – глупость несусветная. Можно заблудиться и забрести бог знает куда. С другой – эта штукавина стопроцентно села где-то неподалеку. Если идти все время прямо, то минут через двадцать он наверняка выйдет к месту приземления. А если ничего не найдет, то повернет обратно и к утру уже будет в деревне.

Ему было страшно и неудобно. Внутренний голос подсказывал, что надо бежать отсюда во всю прыть. Но Максим медлил, переминался с ноги на ногу. Никто не знал, что он ушел на озеро. Старики видели десятые сны и если что и слышали без слуховых аппаратов, то ни за что не сунулись бы ночью на улицу, тем более не пошли бы проверять, что за чудо-юдо пронеслось над деревней. Он вдруг подумал, что внутри этой штуки может оказаться нечто, неподвластное разуму, или враждебное, или просто опасное для жизни. Тогда по-любому от него останутся только рожки да ножки, или кучка пепла, или, того хуже, газовое облачко. Человеку свойственно опасаться за свою жизнь, и этот довод оправдывал его колебания. Но как же сенсация? На ней можно неплохо заработать и наконец решить все проблемы... Вдобавок у него есть видео. Нет, нельзя упускать момент, иначе будет жалеть всю жизнь, что не воспользовался щедрым подарком судьбы...

Он достал телефон, включил его. Связь, как всегда, была отвратительной. Антенна – на одно деление, так что позвонить не получится, да и батарея вот-вот сядет. Набрав сообщение в несколько слов, Максим прикрепил к нему видеофайл и нажал на кнопку. Телефон тут же звякнул в ответ, оповестив, что сообщение отправлено.

Тогда он неожиданно для себя перекрестился и уже без тени сомнения направился к лесу...

* * *

28 мая 201... года. Москва

В тринадцать часов Дмитрий Харламов, сотрудник одного почтенного ведомства, воспользовался законным перерывом и отправился на обед. Прапорщик на посту охраны с аппетитом поедал беляш, завернутый в промасленную бумагу. Заметив Харламова, быстро убрал его под стол, вскочил на ноги и вытянулся во фронт. Дмитрий невольно поморщился, но мигом

согнал с лица недовольство и даже кивнул прапорщику, отмечая его усердие. Тот проводил его взглядом и, когда Харламов миновал двери, поднес рацию к жирным губам и буркнул несколько слов в микрофон.

Обычно Дмитрий обедал в ведомственной столовой, где вяло пережевывал котлеты и столь же вяло обсуждал с коллегами дела, женщин и футбол. Столовая была по-своему уютной, но бывшая совдеповская сущность так и лезла из всех углов. Тут отсутствовала юная официантка с аппетитными формами, которую можно было бы запросто хлопнуть по попе в тот момент, когда она подливала вам кофе из прозрачного кофейника. Нет, здесь, как в старые добрые времена, нужно было взять мокрый пластмассовый поднос, поставить на него тарелки с первым и вторым блюдами, не забыть прихватить стакан компота или сока, выстоять унижительно длинную очередь и лишь затем рассчитаться с кассиршей – пышной брюнеткой Анфисой, проверенной временем и спецотделом. Анфиса против покушений на ее девичью честь не возражала, вот только добровольцев, готовых участвовать в этой аванюре, находилось все меньше и меньше. В Структуру приходили молодые волки, а старые зубры мучились от гастрита и простатита и на перси кассирши реагировали уже не так пылко, как раньше.

Среди старожилых ходила байка, что из-за специфики учреждения даже еда здесь способствовала быстрому выходу на пенсию по инвалидности. Это рождало здравую мысль: власти могут меняться, но система – никогда!

Обедать тут Харламов не любил, но часто ему просто не хватало времени сбегать в уютное кафе за углом, хотя обед выходил там не дороже, чем в столовке. Но в кафе порции были большими, картофельное пюре сдабривали куском масла, а не разбавляли водой, наваристые супы не уступали домашним. Официантки знали выходцев из казенного дома в лицо, улыбались им, но держали себя строго, не кокетничали, а те из благодарности за уют и вкусные обеды оберегали кафе от проблемных посетителей.

Однако, выйдя из здания, Дмитрий пошел в противоположную от кафе сторону, к гипермаркету с кучей бутиков, развлекательным центром и десятком кафе на все вкусы. По оперативной информации, он принадлежал супруге крупного чиновника из районной управы, а не ее бывшей горничной. В Структуре по этому поводу особо не заморачивались, благо чиновник властью пока не злоупотреблял и в махинациях с бюджетом не засветился.

Харламов глянул на небо, откуда жаркое не по сезону солнце посылало расплавленный огонь на головы горожан, нацепил на нос очки и, придав себе вальяжный вид, зашагал в сторону монстра из стекла и бетона, взиравшего на пешеходов с высокомерием английского сноба. Похоже, он ко всему в округе относился с кичливым чванством, а уж казенный дом, чьи стены были облицованы плитками розового гранита еще в советские времена, презирал и подавно.

Бегло взглянув на часы, Харламов слегка прибавил шаг. Для того, что ему предстояло сделать, нервозность не годилась. Прежде все было проще, но с недавних пор стало казаться, что в спину воткнулся раскаленный гвоздь чужого взгляда, пристально наблюдавшего за каждым его движением. Ощущение слезки не пропадало ни на минуту, даже дома, даже в постели с женой, и все больше смахивало на паранойю. По мере приближения к гипермаркету тревога нарастала, грозила перейти в панику, а рубашка пропотела насквозь от жары и страха.

Конечно, он умел уходить от слезки, но это было опасно вдвойне, так как у тех, кто установил за ним наблюдение, подозрения могли быстро перерасти в уверенность. А в его положении это было чревато... Правда, топтуны из наружки пока себя не проявили, хотя он то и дело незаметно проверял, нет ли «хвоста». Наконец Харламову это надоело.

«Соберись, тряпка! – приказал он мысленно и стиснул зубы. – Ничего не случится, если не вести себя как идиот. Нужно сделать все крайне быстро и аккуратно. В последний раз, и – конец! Пошло оно к черту!»

Возле входа в гипермаркет прохаживались облаченные в душные костюмы из поролоната зазывалы, таскавшие на себе двусторонние щиты реклам. Двери разъехались, пропуская его

внутри, а он подумал, что веселые костюмы гамбургеров и жареных цыплят, по сути, добровольная тюрьма. И почувствовал, как по спине сбежала холодная струйка, а рука, сжимавшая ручку небольшого портфеля, стала мокрой от пота.

Гипермаркет встретил прохладой и роскошью интерьера. В голове посвежело, тревога отступила. Дмитрий двинулся к эскалаторам, ведущим туда, где сверкали витрины бутиков и салонов, а затем выше – к развлекательному центру и кафе. Перед тем как шагнуть с ленты эскалатора на блестящий пол, Дмитрий быстро оглянулся, опасаясь встретить за спиной оголодавшего коллегу с пустым взглядом и в сером костюме, словно припорошенном нафталином. Но позади не было никого, даже отдаленно походившего на сотрудника родного ведомства.

Следом поднималась молодая женщина, как говорят, «в теле», в коротком платье в крупную розочку. Она удерживала за плечо девочку лет пяти с голой и жутко растрепанной куклой Барби в руках и, склонившись, что-то сердито ей выговаривала. Девочка недовольно морщилась в ответ.

Дама смерила Харламова истинно московским взглядом – негодующим и в то же время презрительным: он загораживал им выход с эскалатора. Дмитрий отошел в сторону. Девочка посмотрела на него снизу вверх и испуганно сглотнула. Она была хорошенькой и ясноглазой и совсем не походила на раскормленную мамашу.

Но через мгновение Дмитрий забыл и о девочке, и о толстухе. Быстрым шагом он направился в сторону кафе, притормозив на пару минут у яркого черно-желтого сооружения, смахивавшего на шлагбаум у КПП в громадный улей...

– Здравствуйте, у нас акция! – Девушка в костюме пчелы растянула губы в дежурной улыбке. – Покупаете телефон, а к нему в подарок...

– Дайте вон тот! – грубо прервал ее Харламов и ткнул пальцем в дешевый мобильный, к которому прилагалась сим-карта с ограниченным балансом на счету. Девушка, ничуть не удивившись, протянула ему коробочку. Он быстро расплатился, отверг попытку всучить рекламный буклет и, сунув телефон в портфель, торопливо направился в кафе. Получив свой гамбургер и бумажный стакан с колой, заставил себя проглотить еду, хотя желудок сжимался от страха. После поднялся этажом выше, зашел в первый же бутик, снял с вешалки какой-то пуловер. В примерочной сел на пуфик и достал из портфеля коробочку с телефоном. Руки его тряслись, в горле пересохло.

– Вам подошло? – спросила девушка из-за шторки.

Дмитрий не ответил. Шепча ругательства от нетерпения, он оторвал крышку коробочки, выломал сим-карту из пластика, вставил в телефон. Тот слабо пискнул и противно пропиликал позывные известной фирмы-производителя.

Харламова не волновало, сколько денег на счету. Это был канал односторонней связи. Набрав давно вызубренный номер, он приложил трубку к уху. После третьего гудка раздался щелчок, и бестелесный голос тихо произнес:

– На связи!

– Рапира в огне! – бросил он в ответ.

В ухо тотчас ударили короткие гудки. Харламов откинул заднюю крышку телефона, вынул сим-карту и батарею и, опустив их в брючный карман, вернул телефон в портфель.

– У вас все в порядке? – снова спросила продавец, но уже встревоженно.

Харламов вышел из-за шторки, не глядя сунул ей пуловер, почти бегом направился к эскалаторам и мигом покинул гипермаркет. Проигнорировав «зебру», пересек улицу и направился под арку, в проходной двор, который выводил на оживленную площадь. Там, оглянувшись по сторонам, он выбросил телефон из портфеля и затем пару раз припечатал его каблуком. Сим-карту и батарею спустил под решетку стока.

На службу он вернулся почти вовремя, потянул на себя дубовую дверь и снова оглянулся. Сверлящий зуд между лопаток не проходил, словно кто-то смотрел на него через оптический

прицел. Вытирая на ходу потные ладони носовым платком, Харламов продемонстрировал прапорщику служебное удостоверение, и тот, хмуро кивнув в ответ, нажал на кнопку, запуская его в святая святых Структуры. Харламов вздохнул с облегчением: «Кажется, получилось!» – и направился в кабинет, где его поджидало множество важных и неотложных дел.

Часть I. Небеса в огне

Глава 1

Удача подобна пирогу. Стоит зазеваться, и тут же стянут из-под носа лучший кусок. Так и с сенсацией. Не успеешь глазом моргнуть, как пролетит мимо с издевательским хохотом, и другой уже пожинает лавры, успев ухватить ее за облезлый хвост.

Те, кто считает работу журналиста невероятно увлекательной, жестоко ошибаются. Как везде, здесь полно рутины, отнимающей массу сил и времени. Иной раз, стоя на ледяном ветру, понимаешь, сколько полезных дел смог бы переделать за три протокольных часа ожидания видного политика или губернатора, которым вздумалось открыть очередной памятник или жилой комплекс. Но, увы, попав за ограждение, уйти до конца мероприятия невозможно, а ведь нужно еще о нем написать...

Впрочем, хорошо, когда есть чем забить газетную полосу, пусть даже скучнейшей информацией, которая рядовому читателю абсолютно неинтересна. Хуже, когда писать не о чем. И случается это, конечно же, летом, когда информационных поводов остается с гулькин нос или того меньше.

Конец мая – финиш нормальной и плодотворной работы во всех редакциях. С его приходом мозг дает заметный крен в сторону пляжей, шашлыков на природе, дачного сезона. И если для обывателя это вполне привычное, местами даже радостное время, то для журналистов наступает унылая пора.

Грядущее лето предвкушают все, готовясь к его приходу почти с безумным нетерпением. Белые лепестки яблонь и накрахмаленные фартуки выпускниц, горьковатые запахи черемухи, пьяные от весенних ароматов трудяги-пчелы и нежная, еще не запыленная листва – все это май. Прогулки по ночным улицам при свете фонарей, когда прилипшая к ногам тень вытягивается до несуразной длины, становятся все дольше и приятнее. Солнце падает за горизонт поздно и появляется рано, кажется, едва успев отдохнуть от дневной суеты. И ты, наконец переживший слякотную осень и зимнюю стужу, невольно думаешь, что это счастье будет продолжаться вечно...

Хуже лета только январь с его чередой бесчисленных праздников: Новый год, Рождество, Старый Новый год – кошмар, политый майонезом. Остыв от такого количества выходных, люди вспоминают, что нужно работать... До того момента, когда придет лето.

Но оно пока не наступило, и поэтому Никита Шмелев уныло слушал своего собеседника и мечтал о побеге.

Он давно выключил диктофон и, с трудом сдерживая зевок, делал вид, что рассматривает документы, разложенные на столе. Толстая пачка пожухлых, ломких листков лишь внешне выглядела внушительно. На деле ж ничего интересного в них не было.

Над ухом зудел надоедливый голос, излишне громкий, чтобы ему не внимать. Но и внимать не получалось. Отдельные фразы не имели ни малейшего смысла, некоторые повторялись дважды, а то и трижды, но сути это не меняло.

– ... И тогда я написал ему, – бубнил на одной ноте седовласый мужчина лет семидесяти. – Господин прокурор! Прежде всего хочу поздравить вас с годом Синего Петуха и пожелать долгих лет жизни...

Никита, очнувшись от вязкой полудремы, с удивлением посмотрел на собеседника. Столь оригинальной жалобы в прокуратуру ему встречать не приходилось.

Собеседник Никиты, довольно бодрый дедок по имени Николай Петрович Савченко, выведал каким-то образом его адрес и ранним утром заявился с визитом. Никита, одуревший

спросонья, выслушал сбивчивые и туманные объяснения старика, который имел, по его словам, невероятно серьезный компромат на городские власти. Документы были настолько важными, что он побоялся выносить их из дома. Выпроводить Савченко удалось, но после того, как Никита поклялся срочно приехать и разобраться в архиве.

«Почему не послал его подальше? Майся теперь и слушай этот бред, – лениво подумал Никита и вновь сделал вид, что читает бумаги. – А что делать? Город как вымер, поневоле будешь кидаться на всякую ерунду».

Вырваться от Савченко было невозможно. Он дважды приказывал супруге подать гостю чай, хватал Никиту за руку и тыкал в лицо кучей никчемных бумажек самого нелепого содержания. Среди них были жалобы в различные инстанции и стандартные ответы-отписки, мол, ваша жалоба рассмотрена, но меры не будут приняты по такой-то причине... Вокруг стола вальяжно прохаживался пятнистый питбуль, преданно смотревший хозяину в глаза. На Никиту пес взирал с меньшей благосклонностью, словно прикидывая, за какое место лучше цапнуть. Никита пил теплый чай, отдававший веником, и мрачнел от безысходности.

Квартира Савченко была маленькой, темной, заставленной тяжелой, советских времен мебелью. В воздухе витали запахи пыли и старых тряпок. По углам стояли прошлогодние банки с солеными огурцами, громоздились стопки газет и пачки желтой от времени бумаги. С потолка свисала длинная гирлянда серой паутины такой толщины, что на ней можно было удавиться.

– ...После того я написал прокурору о подрывной деятельности Алексея Воронина, но мне так и не ответили, – удрученно вздохнул Николай Петрович. – Вот послушайте: «Уважаемый господин прокурор! Прежде всего хочу поздравить вас с наступающей Пасхой и пожелать счастья, здоровья и успехов в семейной и личной жизни...»

– В семейной и личной? – не сдержался Никита.

Савченко запнулся и поднял на журналиста покрасневшие, слезившиеся от старости глаза.

– Что такое?

– Ничего! – буркнул Никита и поинтересовался: – Вы все жалобы предваряете пожеланиями?

Старик смотрел на него не понимая. Питбуль недоуменно перевел взгляд с гостя на хозяина и даже приоткрыл пасть, чтобы гавкнуть, но лишь вздохнул.

Никита покачал головой.

– Николай Петрович, честно, не хочу больше слушать, в чем провинился перед городом и его жителями несчастный Воронин. Мы сидим уже битый час, разбираем ворох бумаг, но я до сих пор не понял, ради чего меня позвали. Где обещанный компромат на городские власти?

Савченко задохнулся и, покраснев от гнева, нервно дернул головой. С носа свалились очки и упали на стол. Подхватив их трясущейся рукой, Савченко сгреб со стола бумаги и стал совать их Никите в лицо. Пес нервно переступал с ноги на ногу.

– Это! Это! Разве это не компромат?

– Нет, не компромат! – спокойно, памятуя, что рядом сидит питбуль, сказал Никита.

– А что, по-вашему, если не компромат? – выкрикнул фальцетом старик и, нацепив очки на нос, уставил на него негодующий взгляд.

Никита ответил не сразу. Духота, царившая в тесной квартире, сводила с ума. Спина взмокла, рубашка прилипла к телу, потом, наверно, разило за версту. А он сидел и слушал бредни старика, которому повсюду мерещились заговоры.

Что с ним поделать? Бывший военный, растративший молодость на беготню по гарнизонам, он, судя по всему, искренне верил, что о любом отклонении от правил нужно докладывать начальству. Но начальство плевало на Савченко с высокой колокольни. Скорее всего, жалобы вообще никто не читал. Их сразу отправляли в корзину и отделялись стандартными ответами. В какой-то степени Никита чиновников понимал. Делать им больше нечего, как чьи-то

кривые буквы разбирать. Пусть на компьютере печатает! Но Савченко не сдавался и продолжал строчить ябеды шариковой ручкой, мелким почерком, поскольку отродясь не подходил к компьютеру и даже не знал, как тот выглядит.

– Видите ли, Николай Петрович, – мягко сказал Никита, подавив раздражение. – Все, что вы рассказали, разумеется, интересно, но ваши жалобы ничем не подтверждены. Формально прокурор вам ответил, верно? И мэр тоже.

– Но это же отписки!

– Конечно, отписки, но я не могу построить статью на отписках. Факты нужны, Николай Петрович, а у вас их нет. Свидетели, документы, фотографии. А что мы имеем? Только ваши обращения в прокуратуру и мэрию. Этого недостаточно.

Савченко побагровел, но Никита не позволил ему раскрыть рот.

– Найдите свидетелей, которые подтвердят все вами сказанное. Тогда у меня будет с чем пойти в прокуратуру. Как только соберете документы, заявления, акты, справки, позвоните мне, хорошо?

– И вы не дадите им спуску? – с надеждой спросил присмиривший Савченко.

– Конечно! – улыбнулся Никита. – Мы им покажем кузькину мать!

Николай Петрович выдохнул полной грудью и неожиданно гаркнул в сторону кухни:

– Бабка! Водки неси! Сейчас мы с товарищем тяпнем!

– Нет-нет, я за рулем, – испугался Никита. – Мне давно пора!

– Так мы по рюмашке! – не унимался Савченко. – Выпьем, и я тебе помогу донести документы до машины. Видишь, сколько их у меня! Полный ящик!

От мысли, что придется с пятого этажа тащить на горбу кучу ненужной макулатуры, Никита оторопел, но быстро выкрутился.

– Тихо! – прошипел он, приложив палец к губам. – Мой телефон наверняка прослушивается! Вы же знаете эти штучки? Мы тут все на особом контроле. А у вас документы будут в полной безопасности.

Савченко вытаращил глаза, а затем быстро-быстро закивал головой и огляделся по сторонам с таким видом, словно в каждом углу таились шпионы в черных масках, вооруженные пистолетами с глушителями.

Питбуль посмотрел на Никиту с интересом.

– Хвоста за вами не было? – прошептал дед.

– Не знаю! – честно признался Никита. – Но на всякий случай вышел бы через черный ход. У вас есть черный ход?

– Откуда? – вытаращил глаза Николай Петрович.

Никита с трудом удержался от смеха. Действительно, какой черный ход в панельной пятиэтажке?

– Жаль, – протянул он с сожалением и с решительным видом поднялся со стула. – Придется рисковать. У вас случайно оружия не осталось?

– Есть ружье! Охотничье! – обрадовался Николай Петрович. – Могу вас подстраховать!

– Ни в коем случае! – воспротивился Никита, представив картину, как он чуть ли не бегом направляется к машине, а следом короткими перебежками поспешает старик с берданкой наперевес. – Охраняйте архив!

– Слушаюсь!

Савченко сорвался с места. Шуганув попавшую под ноги супругу с подносом, на котором стояли бутылка водки, две рюмки и блюдце с вареной колбасой, он приоткрыл входную дверь, высунул в подъезд голову и зловещим шепотом доложил:

– Кажись, чисто!

– Благодарю за службу! – тоже шепотом ответил Никита и поспешно направился к двери, оставив позади липкие запахи убогой квартиры, неприятного старика и агрессивного пса

с тяжелым взглядом. Выйдя из дома, Никита оглянулся и увидел в окне пятого этажа ствол ружья, который хищно метался из стороны в сторону.

– Не дай бог еще разок такого счастья, – пробормотал он, двинувшись к автобусной остановке. Савченко не нужно знать, что журналист прибыл к нему на маршрутке.

По дороге домой Никита с раздражением думал о том, что угробил на ерунду весь вечер, оставшись в итоге без материала для статьи, на которую он так надеялся. Рассчитывать, что кто-то осчастливит его убойной темой в десять вечера, было бессмысленно. Опьяненный маем город ликовал, предвкушая летнюю жару и всеобщую беззаботность, и до пустого, скучного содержания газет ему не было дела.

Ложась спать, Никита пожелал, чтобы утром ситуация изменилась, поскольку краснеть перед шефом не было никакого желания. Обычно его мечты не исполнялись, но поздно ночью небрежно брошенный на пол телефон издал соловьиную трель, возвещающая о пришедшем сообщении.

Глава 2

Городской дом культуры производил гнетущее впечатление. Мэрия не нашла ничего лучшего, как использовать под него помещения бывшего завода имени Кирова. Завод давно обанкротился, просторные цеха арендовали разные фирмы, производившие мебель, пластиковые окна и ширпотреб всех мастей. Административную часть отдали культуре.

Снаружи здание выглядело ужасно, но и внутри тоже глаз не радовало. Стены, выкрашенные когда-то в болотный цвет, были грязными, в пятнах плесени, с обвалившейся местами штукатуркой. Побелка давно облупилась и зияла шрамами трещин. Узкие, словно обглоданные по краям ступени лестницы вели наверх. Из коридора второго этажа слышался хор голосов, неслаженно выводивший что-то бодрое и, несомненно, знакомое. Снизу, из подвала, доносилось звонкое тюканье по металлу. Никита поднялся по лестнице, стараясь не прикасаться к жирным от въевшейся копоти перилам и стенам.

Удручающее слух пение доносилось из-за широкой двери, увенчанной рыцарским щитом, вырезанным из фанеры. Никита открыл ее и отпрянул в удивлении. В комнате полукругом стояли несколько старичков и старушек, радостно напевавших: «Ой, цветет калина!» Старички выглядели нарядно и молодцевато – в наглаженных брюках и рубашках, старушки – с бледными от пудры лицами, синими тенями на веках и тонкими бровками дугой, как персонажи вампирских саг при дневном свете. Мужчина лет пятидесяти раздвигал мехи баяна и притопывал в такт ногой. Дверь скрипнула, и баянист злобно покосился на Никиту.

– Вам чего? – прокричал он, ни на минуту не переставая играть на баяне. Толку от этого было мало, хор упорно пел сам по себе. Никита бегло оглядел комнату, убедившись, что привычные предметы мебелировки исчезли.

– А где ролевики? – громко спросил он. – Где найти Дениса Дмитриева?

– Убирайтесь вон! – прошипел баянист и отвернулся.

Никита открыл было рот для достойного ответа, как вдруг почувствовал, что кто-то дернул его за рукав. Обернувшись, он увидел сухонькую старушку, чинно сидевшую у стенки на стульчике с болонкой на коленях. Болонка смотрела на Никиту сквозь прорехи в челке налитыми кровью глазками.

– Мила-ай, иди вниз, – пропела старушка неожиданно басом. – Слышишь, блямкают? Дыц-дыц! Как ведром по голове. Вот там он и есть. Иди, родимай!

Никита вышел в коридор и прислушался. Снизу по-прежнему доносился бойкий грохот. Спустившись в подвал, он пошел на звук и, нащупав в полумраке дверную ручку, потянул на себя.

В узкой, как щель, комнатенке тихо играл магнитофон. Мужчина лет тридцати лупил молотком по узкой железяке на импровизированной наковальне. Увидев Никиту, расплылся в улыбке, швырнул молоток на стол и, вытерев руки грязной тряпкой, шагнул навстречу.

– О, Никитос, пропащая душа! Сто лет тебя не видел! С чего вдруг на ролевку не приехал?

– А меня звали? – хмыкнул Никита, разглядывая комнату.

Денис сокрушенно развел руками, мол, забыли, наверное, ничего не попишешь.

– Как живется, Дэн? С чего вдруг в вашей комнате бабки «Интернационал» горланят? – спросил Никита, смахнув с колченогого стула какие-то щепки, и уселся с предусмотрительной осторожностью. Стул скрипнул, но выдержал.

Денис развел руками вторично, но теперь его лицо выражало досаду.

– Да, блин, директор у нас – караул! Помнишь, в каком состоянии та комната была? Даже полы отсутствовали, крысы пешком ходили. Мы договорились, что ремонт сделаем за

свой счет, лишь бы с нас аренду не брали. Вкалывали, как папы Карлы. Все свое: доски, ДВП, краска... Три месяца прокайфовали, а потом нас выперли.

– Мотивация?

Денис уселся прямо на стол, закурил и зло прищурился.

– Очень простая мотивация. Видишь ли, хор ветеранов важнее движения ролевиков. Рыцарские турниры – не комильфо, перед губернатором шибко не выпендришься. А вот хор заслуженных работников тыла – это ураган как круто! Та комната самая большая, им, понимаешь ли, акустика нужна. А какая на хрен разница, где свои гимны базлать? Все равно глухие через одного... Вот, сюда сослали. Ладно, хоть за эту нору денег не просят. Я тут доспехи делаю, ребята приходят, но... Сам видишь, развернуться негде. Тиснул бы статейку о нашем бедственном положении?

– Тисну! – пообещал Никита. – Чем занимаетесь, бездельники?

– С чего вдруг бездельники? – притворно обиделся Денис. – Смотри, какую красоту изобразил! Осталось только меч сделать.

Облаченный в доспехи манекен стоял, притулившись к стене. Пластмассовое тело облегла сеть кольчуги. Ноги и руки защищали шипастые щитки. Голову закрывал шлем с забралом. Рука в тяжелой перчатке сжимала древко штандарта с вышитым гербом. На круглом деревянном щите, обитом жестью, красовался тот же, что и на двери, герб: желтая башня с квадратными зубцами, паривший над ней не то дракон, не то гриф и переплетенные между собой буквы ЛВК, выведенные готическим шрифтом.

– ЛВК? – спросил Никита, ткнув пальцами в аббревиатуру. – Это кто у нас? Лыцарь Воночье Копье?

Денис раскатисто захохотал.

– Скажешь... Это Левин Вадим Константинович, владелец ресторана «Камелот». Вот, заказик организовал. Поставит в главном зале под изображением валькирии. И будет мне счастье, ну, и денег перепадет малая толика. Скажи круто?

– Круто! – согласился Никита и без предисловий перешел к делу. – Я вот почему пришел... Ваша банда занималась уфологией?

– Когда это было! – пожал плечами Денис, затягиваясь сигаретой. – Все давным-давно кануло в Лету, все быльем поросло. С какого перепуга тебя вдруг это заинтересовало?

Вместо ответа Никита сунул Денису под нос мобильный и нажал на пару кнопок. На дисплее запрыгало, задергалось изображение: черное небо, на заднем плане вроде бы лес. С неба валилось светящееся размытое пятно, задевая огненным шлейфом кроны сосен. Летели снопом красные искры, затем в кадр попало что-то светлое, смазанное, похожее на дощатый настил... По ходу съемки не прозвучало ни единого звука, как будто у снимавшего были проблемы с телефоном.

– Прикольно! – задумчиво сказал Денис. – Это где ж такое?

– В Миролюбове. Знаешь те места?

Денис неопределенно пожал плечами, что могло означать как «да», так и «нет».

– Где-то на краю цивилизации. Почти на границе с соседней областью...

– Ты там бывал?

– Ну, проезжали мимо пару раз, только не по главной трассе, а со стороны Каменного Брода. Дорога там получше, не слишком убитая. Нас туда Кречет таскал, уверял, что пришельцы в тех местах так и шастают. Он и был в нашей банде главным Малдером.

– Кречет? Фамилия?

– Нет, погоняло! Фамилию не помню, просто Леха Кречет. У него на тот момент совсем башенку скособочило. То богиня Изида являлась, то Богоматерь, ну а пришельцев он видел каждый день пачками. А потом налетела комиссия, проверки начались, он и пропал.

– Проверки? – удивился Никита. – Что там можно было проверять? Или дурка ездит с визитами по желанию трудящихся?

– При чем тут дурка? Его на предмет лишения родительских прав тягали.

– Кто ж так постарался?

– Здрасьте! – ехидно усмехнулся Денис. – Ты, конечно!

– Я? – удивился Никита. – Окстись! Я даже не знал его!

– Жестокий вы человек, Никита свет Александрович, бессердечный и безответственный.

Подвели человека под монастырь, раздавили аки жука навозного и не заметили. И ведь дела вам нет до судьбы загубленной...

– Ой, да буйну голову потупил, от стыда под землю провалюсь, – в тон ему ответил Никита и отвесил низкий поклон. Затем выпрямился и смерил Дениса взглядом. – Пургу несешь, дорогой! Что-то не припомню такого факта в своей трудовой биографии.

– А концерт «Солнечных бардов» помнишь? Лехина шайка была. Они про цветочки и травку песенки пели, по городам и весям слонялись, с марсианами речи вели. Леха жену таскал за собой, детишек двоих. И на беду решили у нас концерт дать, донести людям слово свое. А тут ты на концерт явился, ну и, как серпом по яйцам, им всю малину и сгубил.

Никита озадаченно хмыкнул, потому что мигом вспомнил тот концерт, на который собралось полсотни зрителей. С десяток бардов, смахивавших на долго постившихся хиппарей, распевали заунывные песни про радость, солнышко и птичек. Оборванная банда называла себя «солнечной» в знак приобщения к природе, красоте и миру на всей земле. На общем фоне выделялся предводитель – высокий худой мужчина с длинными пегими волосенками и благостным взглядом. Его жена, неопрятная, с серым изможденным лицом, подпевала ему тоненьким голоском в унисон с двумя детишками – тощими и бледными, точно стебельки картофеля из темного погреба.

Пока жена и дети продавали в фойе самопальные диски с творчеством бардов, руководитель дал Никите пафосное интервью, в котором по простоте душевной признался, что школа для его детей – не главное. А путь к свету – совсем наоборот. Вопреки городской традиции не писать плохо о людях, которые хоть краем касались искусства, Никита в пух и прах разнес «Солнечных бардов» с их солнечной философией. Кто знал, что после той статьи власти все-таки возьмутся за семейку, таскавшую за собой детей по городам и весям?

– И где сейчас ваш Кречет? – спросил Никита. – Неужели никто не в курсе?

– Хрен его знает! Он после того случая свинтил из города вместе с семьей. Чего им тут ловить? Жили подаянными да тем, что на концертах своих зарабатывают. Сам понимаешь, на их представления публика не ломилась. Спасибо хоть морду не били.

Денис выронил зажигалку, наклонился за ней. Из-под расстегнутой на груди рубахи вывалилась и повисла на шнурке отливавшая золотом круглая бляха с выбитыми на ней странными знаками.

– Ого, – поразился Никита, – это что ж такое на шее носишь? Амулет сварганил? Под старину?

– Нет, от деда досталось! Сказали, чистое золото! Хотел загнать на новое снаряжение, да отец грозит убить, если дедову память продам!

– Дай посмотреть!

Денис с неохотой снял шнурок с шеи и подал ему бляху.

– Ничего себе! – восхитился Никита, взвешивая ее на ладони. – Тут же граммов сто, наверно. По нынешним ценам тысяч на пять зеленых потянет. Машину можно купить. Шею-то не ломит от тяжести?

– Не ломит! – буркнул Денис. – Дедов талисман это. Не продается! Смотри, что на нем выбито! Это коловрат – славянский символ. Крюковый солнечный крест – один из древних оберегов.

– Похоже на свастику, – сказал Никита, пристально рассматривая амулет. – Только здесь она восьмиконечная и концы загнуты влево, а у фашистов она о четырех концах, направлена вправо и повернута на сорок пять градусов. При этом должна находиться в белом круге, а тот – на красном прямоугольнике.

– Ишь, знаток! – скривился Денис и забрал у него амулет. – Коловрат – солнечный щит, хранит и укрепляет духовную твердость, воинский дух, несет свет, тепло, добро. Не знаю, поэтому или нет, но как надел дедов оберег, все стало получаться... Тьфу три раза, чтоб не сглазить!

Он сплюнул через плечо и постучал костяшками пальцев по деревянной столешнице.

– Похоже, он самодельный, – задумчиво сказал Никита. – Это где ж столько золота твой дед нашел? В советские времена за такие дела и к стенке могли поставить! Подпольный цех имел или золото в тайге промышлял?

– Чего привязался? – рассердился Денис. – Не был он цеховиком, и старателем не был. Прапорщиком он служил. А эту штуку у него нашли, когда помер. Сам понимаешь, объяснений он не оставил. Может, после бабкиной смерти кольца ее переплавил и сварганил на память.

Никита недоверчиво хмыкнул.

– Сам сварганил?

– Вряд ли, но что, мастеров трудно найти? – с вызовом произнес Денис. Похоже, он разозлился не на шутку. – Я сам таких наляпаю пруд пруди. Тут главное – матрицу изготовить, рисунок вырезать, лучше из прочного камня. Затем лист серебра, меди или золота кладешь на готовую матрицу, сверху устанавливаешь пуансон. Это блямба такая типа пакета из кожи или свинчатка в металлическом ободе. И бьешь по нему что есть силы деревянным молотком. С одной матрицы можно две-три сотни таких блях настучать. Еще скифы этим баловались.

– Дай-ка посмотрю, – протянул руку Никита.

Но Денис отступил на шаг и затолкал оберег глубже под рубашку.

– Перебьешься! Что ж вас так возбуждает это золото?

– Кого – вас? – удивился Никита.

– Так Леха Кречет чище тебя возбуждился! Я ему показал на всякий случай, мол, что за знаки такие? А он аж затрясся! Схватился за него и лопочет как умалишенный: «Ярило! Коловрат!» А после того как я у него амулет отобрал, пояснил, что русские по происхождению арии, то есть ярые, от Ярило – языческого бога солнца. Отсюда, дескать, пошли названия русских городов Ярославль и Красноярск, а Россия, и того лучше, страна лучезарных, ярых людей...

– Какую чушь несете, милейший, – засмеялся Никита. – Особенно про Красноярск! Твой Кречет точно на голову большой!

– Не говори, – вздохнул Денис. – Еле от него отцепился. Представляешь, квартиру предлагал взамен амулета.

– Квартиру? Этот бродяга? – совсем уж развеселился Никита. – Небось с видом на мусорную свалку?

– Уймись, – нахмурился Денис. – Забили на амулет и на придурка Леху.

– Забили! – кивнул Никита и уже спокойно спросил: – Больше не ездили в Миролюбово?

– Нет, конечно! Что мы там забыли, на краю географии? Ну да, лес там, горы опять же начинаются, не бог весть какие по высоте, но все же красиво! Но ехать уж больно далеко, для ролевок неудобно. Мы вон за город выбрались, мечами помахали и довольны. А ты что? Съездить туда хочешь?

– Надо бы! – вздохнул Никита. – Если б кто отвез, я б того человека неделю пивом поил.

– А сам чего? – осведомился Денис. – Ты же на колесах. Или нет?

– Мой Боливар пал смертью храбрых. У вас точно никто туда не ездит?

– Кажется, нет, но я спрашиваю. Мы ведь почти все городские. Ну что, тиснешь статью про наши беды?

- Тисну, – пообещал Никита, поднимаясь со стула.
- Спасибо, – обрадовался Денис. – А мы, если что, организуем подвоз под бок к пришельцам.
- Да ладно, – отмахнулся Никита. – Есть у меня один доброволец, кто точно до Миролюбова довезет.

Глава 3

Никита стоял около двухэтажного здания, выкрашенного в нежно-розовый цвет, и вздыхал. Картинка, представшая его взору, была сокрушительной. Среди неопрятных высоток, похожих на облезлых дворняг, розовое здание смотрелось как пряничный домик, к которому так стремились Гензель и Грета.

Чья-то заботливая рука привела в порядок старое здание детского садика, положила асфальт, выкорчевала остатки железных лесенок и качелей, срезанных любителями цветмета в голодные девяностые, насадила всюду розы и кусты сирени. И затем загнала в него редакцию глянцевого журнала «Взгляд», а часть помещения сдала в аренду. Арендаторы тут были солидными, проверенными временем и экономическими реформами.

Казалось невероятно приятным нырнуть после несусветной жары в уютный мирок, окруженный сиреневыми кустами. Туда, где кондиционированный рай с мягкими креслицами в холле, кадки с юккой и монстерами, секретарь, которую можно раскрутить на кофе и, если повезет, на печенье. Только Никита пока не спешил входить.

В тени сиреневых кустов притаился в засаде лакированный зверь, взиравший на мир бессмысленными выпуклыми глазами. Зверь звался «Тойота-Ярис», имел серый окрас и принадлежал Юлии Быстровой, работавшей в журнале «Взгляд» шеф-редактором.

Никита сглотнул слюну и, тяжело вздохнув, двинулся к дремавшему автомобилю. Провел пальцем по блестящему борту и тихо спросил:

– Ты ведь хочешь быть моим? Правда?

Автомобиль хрюкнул и завыл с истошными переливами. Тут же распахнулось окно первого этажа, а на крыльцо выбежал охранник.

– Эй! – заорал он. – Отойди от машины!

Из окна орать не стали, только призывно махнули рукой. Автомобиль пискнул и прекратил истерику. Никита снова вздохнул, поднялся по ступеням и прошел мимо охранника, который на всякий случай сделал вид, что орал на кого-то другого.

Юля сидела в кабинете и говорила по телефону. Движением головы показала на кресло, затем – на чайник, продолжая бросать короткие фразы в трубку. Похоже, кому-то отказывала, но, судя по ее лицу, никак не могла отделаться от собеседника. Никита уселся в креслице, нашел на тумбочке чистую чашку и налил себе чаю. Юля закатывала глаза, гримасничала, но невидимка на другом конце провода не сдавался.

– Анна Ивановна, извините, но формат нашего издания не подразумевает публикацию ваших мемуаров, тем более вы не актриса, не певица, даже не ветеран войны или труда. У нас глянцево издание, если вы знаете разницу между журналом и газетой.

Трубка отчаянно заверещала, но Юля решительно прервала монолог.

– Я все сказала! Не беспокойте меня больше. Мы все равно не станем вас печатать! Да хоть царю, хоть господу богу жалуйтесь!

Швырнув трубку, Юля сердито уставилась на Никиту. Тот жевал булочку, смотрел с сочувствием, а вазочку с конфетами пододвинул поближе.

– Судя по реакции, тебе звонила Шкуренко? – поинтересовался он.

Юля кивнула, не в силах произнести ни слова. Никита вздохнул и ухмыльнулся.

Самозабвенная графоманка Шкуренко была вечным проклятием местных газет. Она рассылала многостраничные опусы по редакциям, рассчитывая на славу и баснословные гонорары. В публикациях, ясное дело, отказывали, и тогда Анна Ивановна с завидным для преклонных лет упорством принималась осаждать редакции и терроризировать телефонными звонками главного редактора, ответственного секретаря и заведующих отделами. Писала жалобы во все инстанции, а однажды ранним утром чудесным образом дозвонилась до загородного дома

губернатора области. Разбуженный губернатор долго гневался и даже сорвался на редакторе газеты, которого Шкуренко очень кстати упомянула.

После того случая Анну Ивановну иногда печатали, выскоблив безграмотные записки до стерильной безликости. И вот теперь она решила расширить круг печатавших ее изданий и добралась до журнала «Взгляд».

– Только посмотри, что она прислала! – Юля отбросила от себя толстенный фолиант из тетрадных листков в клетку, сшитых сапожными нитками. – Ерунда полнейшая!

Она раскраснелась, высокая грудь вздымалась от праведного гнева, темные волосы разметались по плечам. Никита лениво улыбнулся, откровенно любясь ею.

– Чего смотреть? Я и без того скажу. Пишет о медсестре, ставившей ей уколы? Угадал?

– Прямо в яблочко попал, провидец! – буркнула Юля. – Про медсестру. Может, еще название статьи угадаешь?

– «Расскажу о хорошем человеке»?

Юля беспомощно развела руками.

– Ну, ты и Нострадамус!

Никита рассмеялся.

– Она об этой медсестре лет десять пишет. Или не об этой. Наверно, имена меняет, я не отслеживал. Все темы известны наперечет! Открытие и закрытие сезона в детском лагере, народный хор «Звонница», городская поликлиника, а также воспоминания. Фото в шляпке в духе Раневской уже прислала?

Юля мрачно покосилась на Никиту, откинула первую страницу фолианта. На второй была приклеена фотография Анны Ивановны в кокетливой шляпке по моде пятидесятых годов. Никита перегнулся через столик, бросил на фото взгляд и усмехнулся:

– Кто бы сомневался!

– Сомневался! – передразнила Юля. – Ей тут лет шестьдесят. Значит, сейчас...

– Восемьдесят пять или шесть, а она все строчит и строчит. И на тебя пожалуется, если нетленку о медсестре не поставишь в номер.

– Сейчас умру от страха! – фыркнула Юля, однако помрачнела и насупилась. Затем откинулась на спинку кресла и мечтательно произнесла: – Отдохнуть бы! За город съездить...

– Так съезди! Вон какая тачка под окнами! – подавив зависть, сказал Никита. – Это ж я теперь гольфтьба безлошадная, на трамвайчиках езжу, на вас, буржуев, смотрю с выражением классовой ненависти. Я вот тоже за город хочу. Вкусить, так сказать, все прелести природы, ландышей нарвать, винца хорошего выпить.

– На выходные можно сообразить, – задумчиво протянула Юля. – Авось Валерка вернется.

– А где у нас муж? – осторожно осведомился Никита.

– Муж у нас в Литве. Книжный бизнес прет вяло, мы теперь автосалон купили, торгуем помаленьку. Валерка орет, чтобы бросала журнал и шла заведовать по финансовой части. Только я в финансовых делах – тундра тундрой. Это он быстрее калькулятора считает. Я же всегда работала в одной отрасли. Пусть много не зарабатываю, но это мое. И зачем я полезу из журналистики в бизнес? Чтоб все смеялись да перешептывались, мол, взяли на должность, потому что жена Беликова?

Никита ничего не сказал, лишь мотнул головой неопределенно, точно лошадь, отгонявшая мух. И, отбросив деликатность, деловито спросил:

– Ты завтра занята с утра? В смысле, работы много?

Столь резкий переход, похоже, Юлю не удивил. Она с интересом посмотрела на Никиту.

– Не особо! Ты что-то предлагаешь?

– Ты могла бы отложить дела на пару дней?

– Ты скажешь, наконец, зачем? Или мне слова клещами из тебя тянуть? – рассердилась Юля.

Никита загадочно улыбнулся, вынул из кармана мобильный и показал ей видеозапись. Юля смотрела на дисплей с умеренным интересом, пока он вкратце излагал суть проблемы.

– Это ж далеко! – наконец сказала она, но без уверенности в голосе.

– Но мы ведь на машине! Раз – и там! – обрадовался он. – Походим, посмотрим, вопросы зададим... За день обернемся. Говорят, там места очень красивые! Чем не загородная поездка? Совместим приятное с полезным!

– А я должна баранку крутить?

– Хочешь, я твою красавицу поведу?

– Еще чего!

Юля открыла ежедневник, небрежно просмотрела его, что-то подчеркнула маркером. Никита ждал, ерзая в кресле от нетерпения. Мысль, что в Миролюбово придется ехать на автобусе, ужасала. Он уже знал, что до деревни транспорт не ходит. Перспектива идти около десятка километров по проселочной дороге от трассы или соседнего села Каменный Брод не вдохновляла.

– В принципе, можно съездить, – задумчиво произнесла Юля и сурово сдвинула брови. – В случае чего сядешь за руль, так что не вздумай напиться вечером, а то попадетсЯ гаишник с чутким носом.

– Умница моя! – обрадовался Никита, резво обежал вокруг стола и чмокнул Юлю в макушку.

– Да, я такая! – не стала она возражать. – Завтра к восьми утра заеду за тобой. Только ты своему приятелю позвони сначала, может, это видео – полная чушь, фейк голимый, на который твой приятель от скуки сподобился! А мы примчимся, как Скалли и Малдер недоделанные.

– Тебя не вдохновляет роль Скалли?

– Ненавижу этот сериал! – отрезала Юля и махнула рукой. – Проваливай! Надо ведь и поработать немного!

Никита послал ей воздушный поцелуй и быстро покинул комнату. На сегодня у него оставалась еще парочка неотложных дел в редакции.

Глава 4

Юля подъехала к дому Никиты как раз в тот момент, когда он вышел из подъезда в сопровождении невысокой рыжей девицы, одетой в халат и домашние тапки. Судя по лицам и жестам, они ссорились. Никита недовольно морщился, девица размахивала руками и что-то сердито говорила. При виде «Тойоты» он просиял и подался корпусом вперед, словно перед прыжком в воду. Девица одарила Юлю откровенно злым взглядом.

Никита бросился к машине. Девица попыталась удержать его за куртку, но безуспешно. Ее глаза метнули молнии, и, вскинув голову, она направилась к подъезду.

– Привет! – радостно воскликнул Никита, плюхнувшись рядом на сиденье. – Ты ж меня прямо спасла! – И сразу перешел к делу: – Сперва заедем к матери Макса, возьмем у нее передачу, а затем – вперед и с песней!

– Это кто ж такая? – поинтересовалась Юля и вытянула шею, высматривая, как безопаснее обогнуть машины, заполонившие двор.

Никита скривился в ответ:

– Да так, одна...

Юля ухмыльнулась, и ее улыбка вывела Никиту из себя.

– Вот скажи, рыба моя, почему так бывает? Пригласишь женщину только на вечер, а она тут же с утра начинает строить планы, куда переставить холодильник и какие занавески повесить на кухне? Зачем все усложнять?

– Затем! – отрезала Юля. – В нас говорит основной женский инстинкт.

– Секс? – оживился Никита.

– Семья, дурень! Каждая женщина хочет выйти замуж, нарожать детей и жить как за каменной стеной.

Никита фыркнул.

– Ну, эта как раз не хочет. Точнее, не хочет свадьбы и детей. Во всяком случае, так говорит. А вот насчет каменной стены – в точку!

– Врет она! – возразила Юля. – Все девушки мечтают выйти замуж, свить теплое гнездо и возложить все тяготы на плечи мужа. И чтоб носил на руках, дарил меха и золото-брильянты, чтоб не перечил и не ревновал. Твоя из таких?

– Похоже, только я плечи не подставляю! – вздохнул Никита. – Ревнует, злится, истерит по каждому поводу, зато хозяйка хорошая. Представляешь, у меня в доме появились продукты. Как ни приду с работы – еда готова. Носки в шкафу парами, полы помыты. Ох, чует сердце, не к добру это! Выгоню я ее!

Юля рассмеялась.

– С чего вдруг?

– По мне, лучше консервы трескать два раза в день, чем ежеминутно слушать вопли, что не так говорю, не так смотрю, не так думаю, а при виде каждой юбки у меня, дескать, появляется на лице идиотское выражение.

Последнюю фразу он проговорил с нотками капризной примадонны, видно, имитируя интонации новой подружки.

Юля захихикала.

– То-то смотрю, лицо у нее малость радостью перекошило, когда я подъехала.

– Представь, у меня полкомпа фотками забито: Юля – в белом, Юля – в черном, Юля – соло, Юля со мной в обнимку. Зуб даю, сидит сейчас над ними и рыдает. Вечером должен буду утешать, клясться в вечной любви и все такое.

– На фига ты фото в компьютере хранишь? – возмутилась Юля. – Ни одна любящая женщина не потерпит в доме соперницы, пусть даже бывшей! Запиши на флешку и спрячь.

– Еще съест можно! – проворчал Никита. – Сейчас очень маленькие флешки, как по маслу пойдет!

Они свернули к крайнему подъезду типовой блочной пятиэтажки. В небольшом сквере на скамейке сидела женщина, придерживая на коленях большую клетчатую сумку. Увидев в машине Никиту, она неуверенно поднялась, но подходить не стала, словно чего-то опасалась.

– Тетя Ира, привет! – радостно поприветствовал ее Никита и выскочил из машины. – Макс не звонил?

– Здравствуй, Никита, – слабо улыбнулась женщина. – Нет, не звонил. Там связь плохая, даже эсэмэс не всегда доходят. Вы уж скажите оболтусу моему, чтобы прогулялся до трассы, что ли? Там сигнал лучше, а то я волнуюсь, прям места не нахожу! Три дня ни слуху ни духу!

– Может, его домой привезти? – предложил Никита.

Но она отпрянула в испуге и замахала руками:

– Ни в коем случае! Только вчера из военкомата приходили. Загребут в армию, а там покалечат. Пусть у бабушки живет. Кончится призыв, тогда и вернется домой.

– Он вечно в деревне будет прятаться? Ведь вычислят его, загребут как миленького, хорошо, если в дисбат, – сказал Никита, прекрасно понимая, что всякие доводы здесь бесполезны. – Я срочную отслужил, как видите, живой и невредимый!

– Тебе палец в рот не клади. От всех отобьешься, а мой шалопай за себя постоять не сумеет, – отмахнулась Ирина.

– Хорошо! – Никита решил не спорить. – Как его найти?

– Я все подробно записала, – засуетилась женщина и достала из сумочки сложенный вчетверо листок. – В деревне мало кого осталось. Спросишь Глафиру Агафонову. Изба ее по левую сторону, четвертая от разрушенной остановки, ворота и ставни зеленые. За ее домом сразу пустырь, а рядом – колодец-журавль. Туда вся деревня за водой ходит. И сумку возьми. Здесь одежда, продукты...

– Ладно, все передам! В случае чего сам до вас дозвонюсь!

Никита попрощался, подхватил сумку, определил ее в багажник и вернулся в машину.

Через полчаса город остался далеко позади. Машина мягко летела по трассе. Никита дремал в кресле, и Юлия несколько раз бросала на него короткие взгляды. Наконец не выдержала и ткнула кулаком в живот. Никита охнул и открыл глаза.

– Поговори со мной! – велела она. – А то я тоже засну. О работе. Семье и браке. Расскажи, кто эта рыжая. Как ее зовут, кстати?

Никита недовольно поморщился.

– У нее очень редкое имя – Света. Нет, о Светке неинтересно. Давай лучше про работу. Чем ты вчера занималась до того, как тебе позвонила Шкуренко?

Впереди показался синий щит со стрелкой вправо «Каменный Брод – 7 км». Машина свернула с дороги на проселок, и ее тотчас затрясло по ухабам. Юлия вывернула руль, чтобы объехать огромную лужу, и весело ответила:

– Писала статью в следующий номер. Пособие для начинающей стервы.

– О как! – обрадовался Никита. – Естественно, на личном опыте?

– На чем же еще? – хмыкнула Юлия. – Правда, я умолчала, что следовать ему – дело зряшное, особенно если муж не совсем тряпка.

– И кому нужны твои советы? Кто их вообще читает?

– Еще как читают! Иногда мне звонят рассерженные мужья. Нынешние девочки не хотят быть домохозяйками. Им подавай карьеру, славу, кокошник светской львицы. Вот скажи, нормальный мужик выберет себе в жены стерву?

– Знаю одного, – рассмеялся Никита. – Он сейчас где-то в Литве.

– Балда! – рассердилась Юлия и снова сильно вывернула руль, объезжая по обочине очередную рытвину.

– С чего вдруг балда? – Никита пожал плечами. – Мы оба с тобой ненормальные! Зачем разбежались? Ведь все могло быть по-другому...

Юля ответила не сразу, но улыбка ее была грустной.

– Правильно, что разбежались! Ты прав, оба – ненормальные. А два ненормальных рядом – уже дурдом. Как мы еще не передрались за эти пару месяцев. Учти, я совсем не жалею, что вовремя ушла от тебя! Зато сколько лет уже дружим? Это ведь тоже ненормально!

Никита не ответил. Юля тоже замолчала. Дорога стала напоминать фронтовую рокаду, изрытую вражескими снарядами. Комья сухой грязи и галька несколько раз ощутимо ударили в лобовое стекло, а по корпусу лупили, как из автоматического оружия, – очередями. Никита с опаской посматривал на Юлю, ожидая взрыва негодования. Дорога была отвратительной, и ее роскошная красotka яростно негодовала – рычала и плевалась газом.

Но Юля помалкивала, а когда заговорила, то, к счастью, не о том, куда Никита ее затащил, бедную.

– Знаешь, но Валерка к тебе не ревнует. Не воспринимает как мужчину из моего прошлого.

– А с чего вдруг косится недобро, особенно в последнее время?

Юля пожала плечами и усмехнулась:

– Кстати, если узнает, что опять куда-то с тобой поперлась, башку не мне, тебе оторвет.

Никита не успел ответить. Радио, из которого лилась разудалая песенка, захрипело вдруг, забулькало и замолчало. Он покрутил ручку настройки, но поймать волну не удалось.

– Черт! – Юля неожиданно сбавила скорость. – Глянь, что за военный парад?

Никита поднял голову. Прямо на них надвигалась колонна цвета хаки – около десятка мощных армейских грузовиков с тяжелыми, похожими на бульдозьи морды, кабинами, брезентовыми тентами и огромными колесами. Эти колеса не только разбили в хлам проселок, но и подняли тучу пыли.

Юля едва успела съехать на обочину, колонна уже поравнялась с ними. Никита, чертыхаясь, рвал замок кофра, где лежал фотоаппарат, а затем, высунувшись из окна, быстро сделал несколько снимков. Мужчина в камуфляже, но без знаков различия, сидевший в головной машине, пронзил его взглядом исподлобья. В нем ясно читались суровые мысли насчет фотоаппарата и его владельца. Но машины промчались мимо, оставив после себя смрадный дух солянки, а Никита выскочил из «Тойоты» и сделал еще несколько снимков вслед колонне.

– Тут, что ли, военная база есть? – поразилась Юля.

Он убрал фотоаппарат в кофр, достал мобильный и бросил короткий взгляд на дисплей.

– Одно знаю точно: связи здесь нет! – сказал он мрачно и добавил: – В тайге столько всего напихано, что уму непостижимо!

Сел в машину и посмотрел на Юлю:

– Груз у них нешуточный! Видела, как колеса просели?

– Честно, не обратила внимания. За машину испугалась! Мне показалось, что нас размазали бы в лепешку, если бы вовремя не убрались с дороги. Видел, как дядька в первом грузовике зыркнул?

– Да, мне тоже показалось. Ладно, поехали! – Никита махнул рукой. – До Каменного Брода совсем ничего осталось, а следом уже Миролюбово. Странно, кстати, что они не по трассе, а в обход сел попилили!

– Сам говорил, там болото, не проехать!

– Военным грузовикам? – усмехнулся Никита. – Смотри, как они дорогу перепахали!

Юля с сомнением глянула на проселок, где оседала серо-желтая пыль, и тронула машину с места.

Глава 5

Село Каменный Брод, не смотри, что захолустье, выглядело основательно и солидно. На главной улице лежал асфальт, а десятка три новеньких коттеджей – добротных, из соснового бруса или красного кирпича, с разноцветными крышами – мало походили на деревенские избы. Повсюду – спутниковые антенны, солнечные батареи и даже ветряки, добывавшие бесплатную электроэнергию. Особняки взирали на мир безликими стеклопакетами, в отличие от нескольких потемневших бревенчатых изб с голубыми ставенками и небольшими окнами. Правда, дома в селе, старые и новые, все-таки роднились высокими заборами, мощными воротами, огромными сеновалами и длинными поленницами дров – зимы здесь были долгими, снежными и холодными. В палисадниках цвела сирень, на воротных столбах сидели толстые коты и лениво жмурились на солнце. Что творилось за воротами, не было видно.

Где-то гоготали гуси, возле небольшого магазина крутились ребятишки и козы, мимо проехал мужик на телеге. Рядом с лошадыю бежал жеребенок. Следом протарахтел «Беларусь» с тележкой, полной березовых чурок... Ничем не примечательная деревенская картинка, правда, зелень здесь была ярче и гуще, небо синее, чем в городе, и в воздухе носились запахи цветущей черемухи, а не автомобильных выхлопов. Местных жителей встретилось немного, в большинстве своем – на велосипедах. Они останавливались и смотрели вслед хмуро и неприветливо, что, впрочем, не удивляло. Чужого в деревне сразу видно, тем более – на машине.

Юля хмыкала, озираясь по сторонам, и даже сбавила ход, но затем снова поддала газу, пролетев село как птица, благо дорога здесь позволяла. Но на выезде их ждал сюрприз. Асфальт закончился, и дорогу перегородила длинная стальная рельса, выкрашенная в красно-белую полосу.

– Что за чертовщина? – Никита вышел из машины, обошел преграду, даже пощупал ее. – Ничего не понимаю... Почему выезд закрыт? Я еще понимаю – въезд... Но кто к ним из леса попрется? Медведи разве, так их эта железка не остановит!

Впрочем, никто на его вопросы не ответил. Невдалеке, правда, маячил паренек на велосипеде, но стоило Никите окликнуть его, как он сорвался прочь и умчался быстрее ветра, лишь пару раз, словно в испуге, оглянулся.

– Дикая люди! – вздохнул Никита и вернулся в машину. – Поехали в объезд, все равно дальше асфальта нет!

Они развернулись и отправились обратно. Сельчан на улице стало меньше, словно в воду канули и дети, и велосипедисты. А две пожилые женщины, что шли по тропке вдоль дороги, заметив машину, неожиданно сиганули в узкий переулочек.

– Похоже, мы их чем-то напугали! – хмыкнул Никита. – Рога, что ли, у нас выросли? Ты ничего такого не заметила у меня на голове?

– Все шутишь? – Юля бросила на него сердитый взгляд. – Может, это староверы? А они чужаков не любят.

– Какие староверы? – возмутился Никита. – У староверов бороды до пупка! И где ж ты видела староверов со спутниковыми тарелками и велосипедами? Тут даже храма нет!

– Я вообще староверов вживую не видела! – парировала Юля. – Только на картинках! Больно они мне нужны!

Они свернули с асфальта на проселочную дорогу, и «Тойота» снова запрыгала по ухабам. Слева и справа от дороги лежали огромные, чуть ли не до горизонта распаханные поля, по которым важно раскатывали тракторы и сеялки.

– Надо же, – удивился Никита, – здесь еще пашут и сеют! Что-то не помню, чтоб в отчетах управления сельского хозяйства упоминались местные фермеры...

– Не знала, что ты посевную освещаешь, – хихикнула Юля. – С каких это пор, дорогой?

– Представь себе, не освещаю! – неожиданно рассердился Никита. – Но были моменты, наезжал кое-кто на крестьянские хозяйства. Землю пытались оттяпать, скот потравили, посева... Я писал об этом. Много шума было! Странно, что мимо тебя прошло! Но отсюда сигналов не поступало!

– Может, не на что жаловаться? Живут себе люди, хлебушек сеют, продают. Вон каких домов настроили! Явно не на продаже редиски заработали! Прямо парадиз какой-то в медвежьем углу.

– Земли тут плодородные. Подтаежная зона. Помнится мне, здесь помидоры хорошо растут и клубника, – вздохнул Никита. – Жаль, рано еще, не поспела...

Он нахмурился, а Юля, не отрываясь от дороги, пожала плечами.

– Это ж славно, что люди руки не опустили и даже в глубинке живут по-человечески! Я вон ни одной халупы не заметила. Значит, не пьют, а работают!

Поля скоро кончились, грунтовка свернула в лес. Машина медленно катила по мягкой, усыпанной сосновой хвоей дороге. Никита раздраженно покрутил ручку приемника и снова бросил взгляд на телефон.

– Все прекрасно, только связи нет! – сказал он. – Между прочим, так все ужастики начинаются...

– Прекрати! – попросила Юля.

– Да-да! Именно так! – оживился Никита. – Герои решают провести журналистское расследование и отправляются в глухую деревню, где находят страшный артефакт – ключ, который по ночам сам открывает замок и выпускает на волю злодея с бензопилой! Героя жестоко убивают, героиню пытаются, отрезают два пальца, а затем...

Никита демонически захохотал и потянулся к горлу Юли. Она ударила его по рукам.

– Сказала же, прекрати! Совсем не смешно!

Никита умильно улыбнулся, пытаясь поймать ее взгляд в зеркале заднего вида. Но Юля надулась и подчеркнуто внимательно смотрела на дорогу, которая петляла среди огромных корабельных сосен, чья кора отливала червонным золотом. Никита громко вздохнул и, как усердный школяр, в притворном смирении положил руки на колени и выпрямил спину, но на этот маневр Юля тоже не обратила внимания. Тогда он демонстративно отвернулся к окну, являя миру, как оскорблен и обижен. Но тут машина миновала развилку, Никита подскочил на сиденье, на ходу резко открыл дверь и крикнул:

– Тормози!

– Черт! – выругалась Юля. – Орешь как резаный! Поворот проскочили?

– Нет, кое-что заметил!

Машина съехала на зеленую, поросшую молодым папоротником лужайку и остановилась. Никита выскочил из «Тойоты» и бегом вернулся к развилке. Юля сдала машину назад и тоже вышла из нее.

– Что там? – спросила она недовольно и направилась к Никите.

– Смотри!

Он показывал на дорогу, что вела влево, – заросшую травой и мелким кустарником и явно заброшенную. Но сейчас на ней проступали глубокие следы протекторов. Машины прошли недавно. Комья грязи на траве не успели подсохнуть, а вбитые в землю ветки и листья еще не завяли.

– Похоже, они отсюда выехали, в смысле, наши военные друзья, – и поскреб в задумчивости затылок. – Надо бы карту посмотреть! Но что-то я не помню вблизи никаких объектов...

– Я даже по навигатору по этой дороге не поеду! И не проси! – отрезала Юля. – Застряну в какой-нибудь луже, и что потом? Семь верст до деревни за трактором бежать?

– Я сбегую! – льстиво улыбнулся Никита.

– А я останусь в лесу? На ночь, одна? Нет уж, уволь от таких приключений!

Юля задрала голову вверх. Там, над кронами сосен, сияла небесная синева.

– Господи, красиво-то как! Сто лет в лесу не была!

Она зажмурилась и раскинула руки, словно пыталась обнять и этот бор, и бескрайнее небо, и птичий гомон, и шепот листьев над головой. Ветер играл в кронах, и оттого казалось, что деревья тихо переговаривались между собой. Остро пахло папоротниками, мокрой травой и неожиданно – грибами, хотя их время наступит в августе. Ее охватило несказанное чувство легкости, почти бестелесности. Цивилизация растворилась в пространстве, прихватив с собой города, сотовую связь и даже усталую машину, приходившую в себя после безжалостной гонки. Казалось, взмахни руками, и воспаришь выше леса, выше одинокого облака, что зацепилось за верхушку огромной сосны...

Это было странное чувство. Оно слегка пугало, но не более того. Юля продолжала стоять с закрытыми глазами, а лес вокруг шумел, шуршал сухими иголками, поскрипывал ветвями, звенел птичьими голосами. Где-то стучал по лесине дятел, испуганный свист бурундука преврал взволнованный стрекот сороки...

Очарование не проходило, но тут заявил о себе Никита.

– Юлька, не спи! – крикнул он и заставил ее открыть глаза.

Она поморщилась от досады: вот несносный торопыга! Успел-таки по заброшенной дороге метров на двадцать углубиться в лес, и теперь, стоя на пригорке, старательно вглядывался в темную чащу. Затем с недовольным видом махнул рукой и, как заяц, запрыгал по колдобинам, стараясь не наступить в грязь или в лужу.

– Тебе не интересно, что там? – спросил он с обидой.

– Чертовски интересно! – ответила она раздраженно. – Но давай-ка следовать плану! Ты не забыл? Нам еще домой возвращаться!

Никита горестно вздохнул и направился к машине. Юля бросила вверх прощальный взгляд и вдохнула полной грудью смолистый воздух. Но что-то подсказывало: прощаться рано и она еще напьется этого воздуха допьяна.

Глава 6

В отличие от Каменного Брода, на деревне Миролобово лежала печать уныния и разрухи. Несколько домов зияли провалами окон и крыш, а от некоторых остались лишь полустгнившие заборы и огороды, заросшие крапивой и чертополохом. В тех избах, все еще крепких, из толстых бревен, с высокими шатровыми крышами, где еще теплилась жизнь, палисадники заросли малиной и черемухой, а улицы – травой по колено. Дом Глафиры Агафоновой они нашли сразу. На завалинке добротной, но посеревшей от времени избы сидела старушка и рассматривала из-под руки подъехавший автомобиль. На ней были старая синяя юбка и серая шерстяная кофта. Голову покрывал черный платок с розочками, выцветшими от времени.

Никита вышел из машины и крикнул:

– Здравствуйте, бабушка! Нам нужна Глафира Агафонова!

– Чего орешь? – недовольно спросила старуха. – Не глухая поди.

Она поднялась с завалинки, уставившись на него подозрительным взглядом, но подошла к забору и выглянула наружу.

– Ну, я – Агафонова. Чего тебе?

– Мы от Ирины Петровны. Сумку привезли. Макс дома?

Губы старухи плаксиво скривились.

– Так вы от Ирочки? Господи, как хорошо! А то не знала, что делать, куда идти? Раньше хоть почта была, могла телеграмму отправить, а сейчас совсем мы от мира отрезаны. Даже радио нет, правда, оно всегда плохо работало, даже при советской власти. Телевизор вон четыре дня не кажет, да и не до него мне сейчас... У Максика телефон был, мы с него всем миром звонили, то в «Скорую», то в райцентр...

И горестно покачала головой:

– Ой, беда, совсем беда!

Юля вышла из машины. Старуха явно была напугана. И руки, которыми она держалась за доски забора, тряслись не от старости. И многословие это не от болтливости. Старуха будто боялась произнести нечто более страшное...

– У вас что-то случилось? – спросила Юля участливо.

Старуха мигом переключилась на нее:

– Ой, милая! Говорю же, беда! Максюша пропал! Почитай четвертый день пошел как ни слуху ни духу! – и заплакала, вытирая слезы кончиком платка.

В этом бесхитростном жесте было столько отчаяния и неподдельной горечи, что сердце у Юли сжалось, хотя она считала себя жесткой, не склонной к сантиментам особой.

Никита нахмурился и быстро взглянул на Юлю. Она ответила ему встревоженным взглядом, достала мобильник, взглянула, недовольно хмыкнула:

– Нет сети и, похоже, не будет! – затем посмотрела на притихшую Глафиру, улыбнулась ей и спросила: – Чаем не напоите? Мы ведь четыре часа до вас добирались. Заодно и про внука расскажете.

Бабка перестала всхлипывать и споро двинулась к воротам. Чай попить – святое дело, особенно если гости пожаловали!

– Вы машинку во двор загоните, – посоветовала она. – Вон она у вас какая... расписная. Мало ли кто мимо пройдет. Сынок, помоги ворота открыть.

Покосившиеся створки сердито скрипнули. Никита пыхтел, тянул их на себя, но напрасно. Наконец одна открылась полностью, другая, перекошенная, не поддавалась. Пришлось отступить, и, утирая пот со лба, он недовольно спросил:

– Протиснешься?

– Попытаюсь, – ответила Юля, с сомнением посмотрела на узкий пролет и призналась: – Не нравится мне тут! Может, в полицию позвоним?

– Не забывай, Макс от армии прячется. Надо сперва мать в известность поставить, – Никита махнул рукой. – Заезжай, выехать всегда успеем. Не стоит перед деревенскими светиться.

– Все, кто хотел, нас уже увидел, – Юля усмехнулась и движением головы показала на колодец.

Там торчала бабка в старых тренировочных штанах, галошах на босу ногу и в спортивной куртке химической расцветки. Прикрывая глаза от солнца козырьком ладони, она даже не пыталась скрыть интереса к приезжим.

Юля села за руль и удачно заехала во двор. Возле деревянной будки истошно лаяла и металась на короткой цепи черная дворняжка размером чуть больше кошки.

Никита с натугой вернул створку ворот на место и задвинул засов. Дворняжка совсем обезумела, но цепь не позволяла цапнуть неожиданных гостей за ноги.

– Сумкухвати! – велела Юля.

Она вышла из машины и с любопытством разглядывала деревенский двор, крытый по старинке широкими деревянными плахами.

Вроде бы не сарай – вон сколько места, не курятник, не амбар, а все под рукой, спрятано от дождя и снега, аккуратно прибрано, с деревенской тщательностью расставлено по местам. Высокая поленница, длинные лавки вдоль стен. На них и на полу громоздились рассохшиеся кадки, алюминиевые фляги, старые ведра, облупленные кастрюли. На полочках – пыльные стеклянные банки и глиняные кринки. Для машины, конечно, места мало, но мотоцикл при случае приткнуть можно. Под потолком, рядом с двумя ржавыми серпами и лезвием косылитовки, висели прошлогодние березовые веники со сморщенными, посеребрившими листьями, а рядом – свежие, слегка привядшие, но еще зеленые. Юле нестерпимо захотелось в баню – парную, с одуряющими запахами дерева и березовых листьев, чтобы смыть липкий пот и пыль, казалось, пропитавшие ее насквозь. Но баня была из области фантазий, и, вздохнув, она направилась вслед за Никитой к дому.

Они поднялись на выкрашенное желтой краской крыльцо. Вытерли ноги о домотканый коврик возле порога и вошли в сени – чистенькие, со старым резным буфетом в углу. Сломанную ножку ему заменял кирпич. Рядом – два венских стула, столь же старых и облезлых, как буфет. В углу – деревянный мучной ларь, над ним на стене – выцветший плакат с пышной девицей в платочке, которая прижимала к себе сноп пшеницы и радостно улыбалась. Надпись на плакате гласила: «Убрать урожай до последнего зерна!» Пол пересекала ковровая дорожка, давно потерявшая цвет.

Дверь в избу была открыта, проем закрывала тюлевая занавеска, видно, от мух и комаров. Сквозь нее было видно: Глафира возится возле большой русской печи, которая занимала добрую часть кухни. Молодые люди переступили порог и огляделись. В доме было прохладно, полутемно и по-деревенски уютно. Пахло гречневой кашей и топленным молоком. Полы закрывали домотканые половики в разноцветную полоску. На окнах полыхали герани. Возле стола, застеленного яркой клеенкой, сидела на табуретке рыжая кошка и намывала гостей. В углу гудел старенький холодильник.

– Чего возле порога мнетесь? – Глафира неожиданно улыбнулась. – В ногах правды нет. В зал проходите, там будем чай гонять!

Они оставили у порога сумку для Макса и послушно прошли в большую комнату в три окна. На подоконниках цвели бальзамины и гортензии. В центре – круглый стол с красной бархатной скатертью и хрустальной вазой с бумажными цветами. В переднем углу – божница с небольшим киотом и горевшей перед ним лампадой. Из-за киота торчал сухой пучок вербы и выцветший бумажный веер.

В правом углу стояла кровать под пикейным покрывалом с кружевным подзором и пирамидой из пяти подушек. На огромном, во всю стену ковре – чуть ли не фотогалерея: в большинстве своем черно-белые снимки в причудливых деревянных рамках. На Юлю и Никиту строго смотрели несколько поколений Агафоновых. Мужчины в картузах, буденовках, армейских пилотках были серьезны и невозмутимы. Женщины, в платочках, простоволосые и с короткой завивкой «перманент», удивлены и слегка испуганы. Среди них – несколько ярких, словно астры на пожухлой осенней клумбе, цветных фотографий. Ирина улыбалась в объектив, обнимая за плечи высокого, нескладного парня лет двадцати. Это и был Максим.

Глафира тем временем расставила на столе чайные чашки, вазочки с вареньем и карамельками, принесла блюдо с теплыми еще пирожками. Затем вышла в сени и чем-то там загремела. Никита метнулся в кухню, быстро ополоснул руки под умывальником, выдвинул два стула из-под стола и развалился на одном из них. Юля присела рядом:

– Умаялся?

– Есть немного, – признался Никита. – И проголодался!

Оглянувшись на кухню, схватил пирожок и мигом его проглотил. Облизнулся:

– Вкусные! С капустой! – и потянулся за вторым.

Юля шлепнула его по руке и съехидничала:

– Дома завтраком не накормили? – и следом весело поинтересовалась: – Давно что-нибудь тяжелее диктофона поднимал?

– Я в спортзал хожу, – обиделся Никита. – Смотри, плечи какие, и пресс...

Юля скептически хмыкнула, вытерла руки влажной салфеткой и, недолго думая, затолкала ее в карман Никитиной куртки. Он хотел возмутиться, но тут на пороге появилась Глафира с фаянсовым горшочком в руках.

– Вот, медок попробуйте, гречишный, – сказала она. – С пасеки соседа моего, Михалыча. Правда, прошлогодний, сейчас еще рано для меда.

И снова поспешила на кухню. Такая уж у деревенских привычка, если угощать, то обильно и самым лучшим, что есть в закромах. Юля многозначительно вытаращила глаза, но ничего сказать не успела. Хозяйка вернулась с электрическим самоваром, расписанным под хохлому, с заварным чайником поверх, и водрузила его в центре стола.

Никита взял ее за руку.

– Баба Глаша, хватит вам суетиться! Лучше про Максима расскажите. Что с ним случилось?

Уголки губ Глафиры снова поползли вниз, рот плаксиво искривился. Она грузно опустилась на соседний стул и сцепила морщинистые руки. Юле захотелось погладить старушку по плечу, успокоить. Возможно, она так и поступила бы, однако в сенях раздались торопливые шаги, тюлевая занавеска отлетела в сторону, но то был не Максим, как они предположили за секунду до этого, а бодрая старушка в больших роговых очках с треснутой линзой. Рыжие лохмы торчали из-под платка, как антенны, дужки очков были обмотаны изолентой, а за толстыми стеклами светились глаза, полные неумного, алчного любопытства. Ну, точь-в-точь сумасшедший старикашка-профессор из какого-то голливудского фильма.

– Глаша, ты дома? – спросила гостья, словно не заметив хозяйку, но взгляд ее с точностью лазерного прицела мгновенно выхватил в глубине комнаты двух молодых людей, судя по всему городских и небедных.

– Это Настасья, соседка моя, – вздохнула Глафира и сердито поинтересовалась: – Чего пришла? Звали тебя?

– А я думаю, кто это к Глаше пожаловал? – ничуть не смутилась Настасья и бесцеремонно прошла в комнату. Турнув кошку, прихватила по пути табуретку и плюхнулась на нее рядом с Юлей. По-хозяйски нацедила себе кипятка в свободную чашку, подлила заварки и молниеносно отправила в рот сразу две конфеты. При этом болтала без остановки:

– Это небось от Ирки твоей люди? То-то смотрю, машина дорогая, не нашенская, сразу видно, из богатых мест люди приехали. А я все думаю, нашлась ли пропажа твоя? Такое горе, такое горе!

Она притворно всхлипнула и отхлебнула чаю.

– Чего тут думать, коли я с тобой с утра разговаривала? – зло сказала Глафира и даже чашкой по столу пристукнула. – Прилетела ворона! А мне не до шуток, будто не знаешь?

– Ты чего как с цепи сорвалась? – обиделась Настасья и развернула еще одну карамельку. – Я ж от чистого сердца, вдруг помочь чем-то надо?

– Вот и сидела бы дома, помощница! – буркнула Глафира. – Без тебя разберутся!

– Бабули, не ссорьтесь! – попросила Юля. – Нам важно знать, когда исчез Максим.

– В понедельник, – быстро ответила за хозяйку Настасья, затолкав конфету в рот.

– Слушай, ты чай пьешь? Вот и пей себе! – рассердилась Глафира и перевела взгляд на гостей. – Верно говорит, в понедельник! Поздно вечером вышла на улицу, позвать в дом. Максим на стогу лежал. Сказал, чтоб не беспокоилась! Я ужин оставила на столе, а сама спать пошла. Утром проснулась, глянула, ужин не тронул, постель не смята. Я сначала подумала, он в сене уснул. Ночь теплая была. Кинулась – нет его. Весь день прождала, а он так и не объявился. И по улице ходила, и к озеру. И звала, и кричала, не отозвался!

У Глафиры снова затряслись губы. Настасья пила чай, жадно поблескивая глазами, словно боялась пропустить хоть одно слово.

– Может, в клуб пошел? На дискотеку? – спросил Никита.

– Что ты, мила-ай! Некуда у нас в деревне пойти, – встряла Настасья. – Клуб лет двадцать как закрыли, а потом и вовсе разобрали на дрова. Не с кем тут дружбу водить, старики одни.

– Он что-то взял с собой? – прервала Юля этот словесный поток.

– Телефон, – всхлипнула Глафира. – Он всегда при нем. А так в чем был, в том и исчез. В штанах старых да в майке.

– А в Каменный Брод он не мог уйти? – спросил Никита и потер лоб.

Старухи переглянулись и одновременно поджали губы.

– К этим буржуйам? – презрительно спросила Глафира. – Нет, туда бы он не пошел.

– Почему? – удивилась Юля. – Семь километров – небольшое расстояние. Там жизнь бьет ключом, народу больше, да и молодежь наверняка есть. Может, он там девушку присмотрел и отправился к ней на свидание?

– Я не велела туда ходить! – отрезала Глафира. – Дурные там люди! Испокон веку дурные и дрянные!

– Тогда совсем непонятно, куда он подался ночью? – вздохнул Никита.

– Я сначала подумала, что на озеро купаться пошел да утоп! – Глафира судорожно перевела дыхание и перекрестилась на образа. – Озеро у нас под боком, спустись с холма и плещись на здоровье. Только не нашла я на берегу одежды...

Никита задумчиво вертел в руках чашку с недопитым чаем. Юля смерила его хмурым взглядом и взяла инициативу в свои руки:

– С того момента как Максим пропал, вы ничего странного не заметили?

Глафира не успела ответить. Настасья встрепенулась и даже чашку поставила на стол так торопливо, что расплескала чай на клеенку.

– У Глаши телевизор четыре дня не кажет. Не знаем, что в сериале происходит. «Обнаженные сердца» называется. А вы случаем не знаете?

– Не пори чепухи! – оборвала соседку Глафира. – Не кажет, потому как сломался. Мастера надо вызывать. Да только где его взять?

– Ну, не знаю, – загадочно произнесла Настасья. – У Михальча приемник тоже перестал работать, аккурат с утра во вторник. Включил, а там треск один. А еще он у озера этих видел... сектантов.

Никита поднял голову. В его глазах вспыхнул интерес.

– Какие сектанты?

– Они в прошлом году объявились, – охотно пояснила Настасья, явно радуясь, что обратила на себя внимание. – В пещере живут, за лесом. Иногда приходят бабы от них, хлеба просят. Тощие, страшные! И ребятенки у них как былиночки.

– У них и дети есть? – поразилась Юля.

– Есть, не то трое, не то четверо, – кивнула Глафира. – В прошлом году на огородах картошку воровали. Руками выкапывали. Мы хоть и сами не жируем, но детишек жалеем, подкармливаем иногда.

– С чего вдруг они в пещере живут? В деревне вон пустых домов полно!

– Конца света ждут. Сказали, летит к нам огненный шар, и только те спасутся, кто в Господа уверует и под землю уйдет. Нас сманивали, да только не пошел никто, – довольно усмехнулась Настасья.

– Побоялись? – улыбнулся Никита.

– Чего нам бояться? Пожили мы довольно, помирать пора, – снисходительно пояснила она. – Придет конец света, не придет – про то нам неизвестно. Мы в такой глуши живем, что конец света не сразу заметим.

Никита, задумчиво терзавший конфетный фантик, поднял голову:

– А где, говорите, озеро ваше?

– Близенько совсем! – Глафира неожиданно резво поднялась со стула. – Через мой огород вниз по тропке. Она к мосткам выведет. Мы с них и белье полоскали, и воду для полива брали.

– Простите, а почему с озера воду носите? Колодец ведь рядом! – изумилась Юля, но тут же поняла по бабкиным лицам, что сморозила глупость.

– Да кто ж студенной водой станет огород поливать? – всплеснула руками Глафира. – И не напасешься колодезной воды на все огороды. Ты, видать, тяпки в руках не держала, раз простых вещей не знаешь? Эх, городские!

– Да, мы такие! Дети асфальта! – усмехнулся Никита и поднялся со стула. – Юля, пойдем!

Ей идти никуда не хотелось. После тряски в машине разморило, хотелось посидеть в прохладе, попить чайку, не торопясь, с наслаждением. Поговорить о жите-бытье, размеренно, без спешки, по-деревенски солидно. Но разве друг Шмелев позволит расслабиться? Понять его можно: вместо одной загадки появилось несколько. Главное, почему исчез Максим?

Никита теперь не успокоится, пока не найдет отгадку, чего бы то ему ни стоило. Будет рыть землю, лезть на рожон. А ей предстоит исполнять роль подушки безопасности, палочки-выручалочки, а если понадобится – бронезилета! Впрочем, Юлю это особо не пугало, поэтому она покорно встала и пошла за Никитой.

Глава 7

Никита открыл калитку. Они вышли в огород и зажмурились от яркого света. Солнце палило немилосердно. Лазурная бездна над головой посерела от нещадного жара. Озеро в рамке камышей играло тысячами бликов, манило прохладой, и Юле нестерпимо захотелось искупаться. Никита шел первым по тропке между грядок, затем – напрямик через картофельные посадки. Она поспешала следом. Ей хотелось обогнать Никиту и первой прийти к озеру, но он летел вниз по склону, как взявшая след гончая.

– Как тут воду таскают? Мазохисты! – шипела она, скользя и оступаясь на кочках, незаметных в траве. Чтобы не упасть, схватилась за ветку малины и ойкнула, уколовшись.

Никита уже стоял на берегу, сосредоточенно разглядывая обступившие воду камыши. Дальний край озера обрамляла черная полоса леса, а за ним поднимались сизые сопки, поросшие лиственницей и березняком. Красноватые скальные выходы, торчавшие на вершинах, издали смахивали на спинные гребни древних ящеров, застывших навечно среди необъятных лесов и болот.

– Тебе не кажется, что Макс снимал это отсюда? – негромко спросил Никита и достал телефон, сличая запись с оригиналом. – Смотри! Вон три сосны на том пригорке! А светлое пятно внизу – мостки...

Никита ступил на деревянный настил и поднял телефон над головой.

– Понял, объект отражался в воде! – обрадованно крикнул он. – Юля, он с этой точки снимал! Иди сюда!

Юля не ответила. Прикрыв глаза от солнца козырьком ладони, она что-то пристально рассматривала на той стороне озера, где начинался лес.

Никита нахмурился:

– Что еще?

– Видишь дерево? Справа! Крона, кажется, обгорела! – неуверенно сказала Юля.

Никита взгляделся, а затем одобрительно хлопнул ее по плечу.

– Глаз-алмаз! Точно сверху обгорела! Но отчего? Молния шархнула или НЛЮ подпалил?

Никита потер руки, и в его глазах вспыхнул тот самый огонь, что выдает неукротимых авантюристов. Юля смотрела на него с легкой усмешкой. Все ясно. Сейчас он бросится рыть землю носом, как охотничий пес, выследивший добычу, и не успокоится, пока не принесет ее в зубах.

– Пошли посмотрим! – решительно сказал Никита, но Юля покачала головой.

– Нет, бегать по лесам я не подряжалась! Да еще по жару! Я лучше к бабулькам вернусь! Чайку попью, поговорю, может, чего разузнаю!

Никита, как оказалось, не слишком огорчился.

– Прекрасно! Без тебя быстрее сбегаяю. Там вон заросли да лужи! А что? Танки грязи не боятся!

И посоветовал:

– Ты в обход поднимись. Там тропинка пологая. Пройди по деревне, оглядись! Может, кто-то еще этот объект видел? В случае чего звони!

– В рельсу? – усмехнулась Юля.

– Черт, забыл! – Никита стукнул себя по лбу кулаком и бодро пообещал: – Я недолго. Если через пару часов не вернусь, вызывай МЧС и спецгруппу ФСБ.

Юля вцепилась ему в рукав.

– Не ходи, а? Один вон пошел и пропал!

– И на нем теперь ставят опыты!

Никита весело рассмеялся и хлопнул ладонью по сумке с фотоаппаратом.

– Не бойся! Если что-то найду, близко не подойду! Для таких дел оптика имеется!

– И все же будь аккуратнее, – предупредила Юля, хотя понимала, что Никита тут же забудет о ее советах.

Придерживая на боку фотоаппарат, он бодрой рысцой рванул к лесу. Юля провожала его взглядом и чувствовала, как сжималось от неприятных предчувствий сердце. Она замерла, стараясь понять, почему этот поход так ее расстроил, и даже открыла рот, чтобы остановить Никиту, но его голова мелькала уже далеко, то исчезая, то появляясь среди камышей. А пока она раздумывала, он и вовсе добежал до леса и скрылся среди деревьев.

Юля поднялась по тропинке до околицы. Схватила за прясли и оглянулась. Ей показалось, что Никита окликнул ее. Неужто вернулся? Нет, это в озерных зарослях прокричала какая-то птица.

Горячий ветер разносил вокруг медовые запахи донника, затянувшего обочины. Полянки одуванчиков, кусты чистотела под заборами, синий мышиный горошек, мягкая мурава под ногами – Юля шла по деревенской улице, удивляясь тому, что здесь ей определенно нравилось. Несмотря на разрушенные дома, огромные лопухи и заросли крапивы на провалившихся фундаментах, на упавшие заборы и одиноко торчавшие ворота – все, что осталось от некогда крепких усадеб. В кустах сирени звонко ссорились воробьи, жужжали и вились над цветами пчелы. Большой коршун в поисках добычи выписывал круги над озером, которое сверху смотрелось как синее блюдце. Юля пожалела, что не искупалась, но вернуться не было сил. Более всего ей хотелось найти тенек, упасть на траву и не вставать до возвращения Никиты. Но ее беспокоила машина, оставленная без присмотра в чужом дворе. Взглянув в последний раз на озеро, она поспешила к дому Глафиры.

Никита ошибся, когда причислил ее к детям асфальта. Детство было окрашено вот такими поездками в деревню: на каникулы, на праздники. Родители объясняли это желанием отправить ребенка подальше от городской суеты, туда, где воздух чист и свеж, парное молоко с вкусной пенкой питательно, а в лесах полно грибов и ягод. И главное, деревня – это нечто незыблемое, безопасное и уютное. Но Юля знала, что кроме цветочков здесь растут еще злая крапива и колючий чертополох и над головой не только бабочки летают, а жужжат докучливые мухи и кровососы-комары. Горячая вода не бежит из крана, и, чтобы помыться, нужно ждать, когда растопят баню... Нет, сейчас деревенское житье-бытье из области архаики, если, конечно, это не коттедж, набитый под завязку чудесами современной цивилизации.

Впереди завиднелась крыша Глафириной избы. Юля прибавила шаг, но прежде нужно было миновать два мертвых дома. Они стояли вровень с дорогой друг против друга. Оба без крыш, с нелепо торчавшими кирпичными трубами. На чердаках уже выросли топольки метра два высотой, закрытые ставни были крест-накрест заколочены досками. Во дворах за поваленными заборами – густые заросли лебеды и жирных лопухов. Здесь было прохладно, сумрачно и зябко. Юля невольно поежилась. Ощущения не из приятных, словно она и вправду стала героиней фильма о постапокалипсисе. В мире произошла катастрофа, и человечество вымерло. Осталась она в полном одиночестве, потому что друг ее полез в пасть к тигру-мутанту по доброй воле и скудомыслию. А она вот-вот падет жертвой напавшего из-за угла кадавра, потому что это классика жанра и нечего переть против нее буром...

Она набрала полную грудь воздуха, представляя, как будет визжать и отбиваться, и даже поискала глазами, что подобрать для обороны – обломок доски с двумя ржавыми гвоздями или старое полено, валявшееся в траве. И тут от заросшего сиренью палисадника вдруг отделилась мрачная тень и перечеркнула дорогу. Юля взвизгнула и отскочила назад. Фигура, что шагнула ей навстречу, была донельзя абсурдной для реальности – о трех ногах, вернее, двух с половиной. Чудовище зарычало и потянулось к ней костлявой клешней.

– Здравствуй, дочка! – прохрипело оно.

Юля шарахнулась в сторону, с трудом сдержав отчаянный крик. Солнце осветило напавшего монстра, и она выругалась про себя: «Черт! Совсем крыша слетела!»

Кадавра, естественно, не было и в помине. У забора, опираясь на костыль, стоял одноногий старичок лет семидесяти, в полосатых брюках с подвернутой штаниной и в майке-алкоголичке в странных синюшных разводах. Такое случается, если постирать белое с чем-то сильно линяющим. На голове его торчала шляпа из синтетической соломки с прохудившимся верхом. Со стороны казалось, то и не шляпа вовсе, а консервная банка с загнутой крышкой. Съехавшая на затылок, она придавала владельцу комичный вид. На красном от жары лице топорщилась кудлатая бороденка. Глазки-буравчики из-под седых бровей светились живейшим интересом.

– Здравствуйте! – неуверенно произнесла Юля и замерла, не решаясь идти дальше.

Дед прилепнул комара на щеке и, лихо прикурив от спички дешевую сигарету, с удовольствием оглядел ее с ног до головы.

– Давно к нам такие красавицы не заезжали! Настасья вон всю деревню обежала, рассказывала про гостей Глашкиных. Стало быть, о Максимке ни слуху ни духу? – Дедок улыбнулся, словно сам факт пропажи его невероятно обрадовал, и добавил: – Так и не найдется уже!

– Почему не найдется? – осторожно поинтересовалась Юля. – Вы что-то знаете?

– А чего тут знать? Места у нас глухие! – пояснил дед и выпустил клуб вонючего дыма, отчего она поморщилась и отступила в сторону.

Непонятное стариково веселье ее раздражало, и Юля пошла в атаку:

– Ничего они у вас не глухие! Трасса недалеко. И большое село рядом. Вполне современное. Мы его проезжали.

– Каменный Брод, что ли? Ироды там! Упыри проклятые! – Дед вскинул костыль, и глаза его воинственно блеснули. – Помяни мое слово, они Максимку сгубили!

– У вас есть доказательства? – разозлилась она окончательно. – Тогда садимся в машину, отвезу вас в полицию!

– Как же, разбежался! – осклабился дедок, явив миру полный рот металлических зубов. – Башку там сразу открутят, как куренку! Мне хоть девятый десяток пошел, а пожить еще охота.

– Вам открутят? – опешила Юля. – Нужны вы больно полиции!

– Не скажи! – Старик в последний раз затянулся сигаретой, а окурок бросил на землю и раздавил костылем. – Небось не знаешь, что тута при Сталине творилось, а потом, значитца, при Хрущеве? Хотя откуда тебе знать? Молодая еще! Зона тут была. Люди срок мотали! Гранит добывали и кварц. Взорвут в карьере породу, а после на тачках вниз с горы камня эти спускали...

Юля бросила взгляд на его руки. На пальцах одной – синие буквы «Гоша». На другой – «Север» и заходящее солнце. На предплечье виднелась еще одна татуировка – синее растекшееся пятно. Юля присмотрелась и не поверила глазам. В глухом подтаежном селе и такое? У дряхлого старика? Но ближе подойти не рискнула. Вдруг старикашка только и ждет, чтобы огреть ее костылем и затащить в свои подземелья. Бог с ней, с татуировкой. Юля решила списать все на расплавленные солнцем мозги. Заметив ее удивление, старик весело ощерился.

– Поняла, значитца? Это меня Гошей кличут! Егор Михайлович получается. Можно просто – Михалыч. Я тут и сидел. Восемь лет от звонка до звонка. Кайлом махал да тачки катал. Вместе с мужем Глашкиным.

– Вас по политическим убеждениям арестовали?

– Зачем по политическим? Нет, дочка, идейных у нас мало было, не те времена. Я бычков украл колхозных, цыганам продал, ну и загремел. Хорошо под амнистию попал. Тогда за расхищение колхозного добра можно было и поболее схлопотать. А вот мужа Глашкиного за то посадили, что колхозный керосин продавал налево-направо. Ленка, царствие небесное, покойный муж Настасьи, на Петра-то и донес.

– Ужас какой! – выдохнула Юля. – Как же Глафира после того с Настасьей разговаривает?

– Так дело прошлое, – пожал плечами Михалыч. – С кем ей еще говорить? Настасья – баба вздорная, да ведь живая душа! Хотя любит нос в чужие дела совать и слухи по деревне разносить.

– А с мужем Глафиры что случилось? – прервала его Юля.

– Вышел он в шестьдесят пятом полным инвалидом, а через год, как Иринка родилась, преставился.

– Но причем тут Каменный Брод?

Михалыч вновь выдернул сигарету из пачки и чиркнул спичкой. Затянулся и исподлобья посмотрел на девушку.

– Жили они там, – пояснил он, сплевывая. – Вертухай! И начальник колонии там же обитал. Еще по тем временам домину держал богатую. К нему со всей страны люди ехали с подношениями, умасливали, чтобы к родным на свидание допустили. На зэках он и поднялся. Дурной человек был. И прихвостни его не лучше. Все там обосновались. Из Каменного Брода до колонии ближе. Им еще и государство дома давало, как же, полезным делом товарищи занимались!

Михалыч зло ощерился и, неуклюже развернувшись, поковылял к завалинке. Усевшись, поманил Юлю пальцем. Она неуверенно потопталась на месте, но подошла и присела рядом. Михалыч смолил сигарку и молчал, смотрел в пустоту. Лицо его нехорошо исказилось. Она тоже молчала, понимая, что старику неприятно вспоминать прошлое. Он заговорил снова, но уже без усмешки:

– Начальником был Сашка Коровин. Увидишь – испугаешься! Лоб бычий, глазищи кровью налиты, кулак два пуда. Бывало, построят на поверку, а он идет вдоль шеренги, и вдруг – раз! – кулачищем в грудь! Зэки после работы слабые, с ног валились не то что от удара, от щелчка, а он смеялся, падла!

– А этот... Коровин до сих пор живет в Каменном Броде?

– Не, помер он, – ощерился металлическими зубами старик. – По пьяни, кажись, в начале восьмидесятых! Но у него сын остался. Суший бандюган! Он и верховодит сейчас в Каменном Броду. Видела небось, как они там живут? Но мы тут погибать будем, а крошки у них не возьмем! Да они и не предлагают!

– А где та колония была?

– За озером, почти у самых гор. Сейчас там одни развалины. Все, что могли, в девяностые растащили.

– Вы думаете, Максим туда пошел? – спросила Юля. – Но зачем? Что там интересного в развалинах?

Михалыч не ответил, однако, судя по быстрому взгляду, вопрос ему не понравился. Пошарив в кармане, он вытащил смятую пачку «Примы», спички, прикурил уже третью сигарету и устремил взгляд вдаль. Юля поняла, что больше ничего от него не добьется. Но сдаваться она не привыкла и перевела разговор в другое русло.

– Настасья о каких-то сектантах говорила. Вроде в пещере живут? Не знаете, кто такие? Михалыч презрительно махнул рукой.

– Пропашие люди! От безделья маются. Ладно бы Христу молились или этому... Как его? Толстый такой?

– Будда, что ли? – улыбнулась Юля.

– Во-во! Будда! – оживился Михалыч, и глаза его вновь заблестели. – Оне Яриле кланяются, солнцу, значитца. А поп у них – чистый Кащей. Патлы до плеч, бороденка козлиная, а глазки голубенькие и невинные, точно он лялек не валял. Спасут нас древние боги! – Михалыч произнес это бляющим голосом, явно копируя кого-то из поклонников славянского божества. – Только хреново они их спасают. Прошлой зимой две бабы преставились, а три сбежали в мир. Мужики вовсе не держатся! Оно и понятно, кому охота в пещере сидеть да конца света

ждать, если пузо с голодухи пухнет? В апреле ходили по деревне, песни гнусавили, чучело соломенное носили, а потом сожгли в поле, как на Масленицу. Бабы говорят, они голяком через костер прыгали, а после в скирдах кувыркались с попом своим. Тьфу, погань языческая!

Михалыч сплюнул и сморщился, точно отведал кислятины.

– А вдруг Максим к ним подался? – осторожно справилась Юля. – Надоело бегать от армии, новых ощущений захотелось?

– У Максимки голова на плечах, а не кочан капусты, – возразил старик. – Сектантов этих у нас давно ухватами встречают. Ходят по дворам, побирушки несчастные, рот до ушей и глазки масляные: «Мир вам, добрые люди!», а сами под шумок то яиц натырят, то огурцов с грядок надергают. Нет, дочка, мы их со дворов гоним.

– Отчего женщины в секте умерли, знаете?

– Дак замерзли они! Посиди-ка зиму на камне голом!

– А как попа их зовут, не в курсе?

– Вот чего не знаю, того не знаю. Сам он в деревне раза два был. В основном бабы его ходют да ребятишки. У меня вон перекладину от ворот сперли! Ума не приложу, чего она им понадобилась? На дрова разве? Так в лесу валежника полно, жги не хочу! А перекладина ладная была, резная! – глаза старика блеснули. – Я ведь резчиком был по дереву, да и по камню баловался. Плиту на могилку сварганить, наличники, ставни... Почитай, вся деревня в моих кружевах. Кому ворота украсить, кому карниз, кому комод или шифоньер. По мелочи тоже ладил. Табуретки, столы, рамки для снимков... Хорошо зарабатывал, а вот сейчас руки уже не те и глаза. В очках плохо вижу.

– Я у Глафиры ваши рамки видела, – сказала Юля, – правда, красивые! Я еще хотела спросить, кто ж такой мастер у вас, да заговорились, забыла!

Честно сказать, про рамки она подумала, что их вырезали лобзиком. Особого впечатления они на нее не произвели, но сейчас ей хотелось польстить старику, чтобы задать следующий вопрос, не видел ли он странный светящийся объект, что запечатлел на своем телефоне Максим. Но Михалыч с криком и сердитым бормотанием неожиданно поднялся с завалинки и, опершись на костыль, захромал к калитке, что вела во двор дома. Не попрощавшись, словно вдруг вспомнил про неотложные дела. Но какие неотложные дела у одинокого инвалида?

Юля проводила его недоуменным взглядом. С чего вдруг всполошился? А Михалыч, затворив за собой калитку, крикнул из-за нее:

– Ты иди, девонька, иди! Глафира, поди, заждалась! А мне недосуг пень колотить!

Юля хмыкнула, наблюдая, как стариковская шляпа продефилировала по двору и скрылась за домом. Она достала телефон и неприятно удивилась. Прошло почти два часа, а Никита так и не появился, но, возможно, он вернулся напрямик через огород? Впрочем, это ее не успокоило! Солнце клонилось к западу, она проголодалась и страшно хотела пить, но более всего желала выбросить непонятную историю из головы и оказаться наконец дома, в городе. Однако в мозгах деловито копошились червячки сомнений и любопытства. Скорее всего, эта история – пустышка, коих в репортерской профессии тысячи. А вдруг, наоборот, то самое, чего любой журналист ждет всю жизнь, частенько напрасно? Словом, Юля поняла, что не успокоится до тех пор, пока не размотает эту путаницу до конца.

Она окинула взглядом дом Михалыча. Старик так и не объявился. Она направилась к дому Глафиры, но уже не корила себя за то, что ввязалась в эту авантюру.

Глава 8

Глафира снова сидела на завалинке. Юля подошла ближе, и старушка обеспокоенно всплеснула руками.

– А парень где?

– Сейчас придет, – ответила Юля. – Решил сбежать в лес за озером.

Глафира охнула и схватилась за сердце. Рот ее перекосялся. Судорожно втянув воздух, она приподнялась и снова рухнула на завалинку.

– В лес? Зачем его туда понесло?

Юля пожалала плечами, но по венам словно колючие шарики покатались. Она поняла: Глафира боится. Очень боится! Чего или кого, пока непонятно! Но страх ее был связан с лесом. И явно были все основания полагать, что с внуком произошло что-то страшное.

Юле стало по-настоящему жутко. Зачем она отпустила Никиту? Почему не пошла с ним? А вдруг что-то случится? И он исчезнет, как исчез Максим? Что тогда предпринять? Как поступить в преддверии ночи, кого позвать на помощь?

И чтобы совсем уж не впасть в панику, она предложила:

– Давайте чайку попьем! А то сил нет как проголодалась!

Уловка удалась. Старуха грузно поднялась и засемила в дом, моментально переключившись на домашние заботы. Юля бросила беглый взгляд на машину. Осоловевшие от жары куры устроились в ее тени, а собачонка под задним бампером. На Юлю внимания никто не обратил. Она миновала двор и поднялась в дом.

На столе в глубокой миске красовалась стопка блинов. Рядом стояла плошка со сметаной. Не выдержав, Юля схватила блин, обмакнула его в сметану и с наслаждением откусила, закатив глаза от восторга. Глафира слабо улыбнулась.

– Вкусно?

– Очень! Сто лет блинов не ела, а таких вкусных – вообще никогда! И сметана у вас – прелесть!

– Ты маслице попробуй, – Глафира подвинула ей тарелочку с топленым маслом.

Юля макнула в него новый блин, откусила и удивленно посмотрела на хозяйку:

– Надо же, соленое! Откуда? С детства не пробовала!

– Так сами маслице делаем! – ответила Глафира. – В погребах храним, для того и солим, чтоб не прогоркло. Первое масло быстрее всего съедается. Максимушка мой сильно любит блины с маслом. Где ж он теперь, кровиночка моя?

Глафира всхлипнула и, закрыв лицо руками, тяжело опустилась на стул. Юля замерла, а затем под села к ней и стала гладить по плечу. Утешать словами было бессмысленно. Да и тревога за Никиту становилась все сильнее и сильнее.

Эта изба, рассчитанная когда-то на большую семью, но так ее и не повидавшая, стала вдруг средоточием безудержного горя и отчаяния. С улицы не доносилось ни звука, да и в доме, старом, со странным, присущим только деревенским домам запахом, – ни скрипа, ни шороха. Даже занавески на дверях и окнах не шевелились от ветерка, словно все здесь умерло после исчезновения Максима. Пятна от солнечных лучей скользили по полу. Мириады пылинок вспыхивали искорками в хаотичном танце и, покинув поток света, мгновенно гасли, уступая место другим, столь же бездумным танцорам.

Утешая Глафиру, Юля подумала, что останется здесь навсегда, если ночь вдруг застанет ее в Мирюлюбово. Повяжет голову платком, будет сидеть на завалинке, часами глядеть на дорогу в ожидании Никиты и, так же, как Глафира и ее соседи, бояться леса. И когда она почти поверила в это, во дворе хлопнула калитка. Юля вздрогнула. За окном промелькнула тень.

Дверь открылась. Никита, запыхавшийся, растрепанный, ввалился в кухню. Глаза радостно блеснули, но первым делом он бросился к алюминиевой фляге, зачерпнул ковшиком воды и жадно ее выпил. И наконец перевел дух.

– Уф-ф! Хорошо!

– За тобой кто-то гнался? – удивилась Юля. – Что такой взмыленный?

Никита как-то странно посмотрел на нее, но вместо ответа с преувеличенной бодростью заявил:

– Ну, нам пора! Спасибо за гостеприимство, бабуля! Юля, пошли!

– А чайку? – заволновалась Глафира. – Вы же голодные! – И с робкой надеждой спросила: – О Максиме ничего не узнал?

Никита с виноватой улыбкой развел руками.

– Пока ничего! Но отсутствие плохих новостей уже хорошие новости!

Глафира скривилась и, повернувшись к образам, перекрестилась.

– Не оставь, Господи, раба твоего Максима, в беде, а я уж отмолю, откланяюсь...

Она продолжала что-то шептать серыми от старости губами, креститься и кланяться иконам, словно забыв о гостях, которые, кроме суеты, ничего в ее дом не принесли.

– Баба Глаша! – окликнул ее Никита. В его голосе слышалось нетерпение. – Нам долго до города пилить. Что передать Ирине?

Глафира с горестным вздохом повернулась к нему. Глаза ее покраснели и слезились.

– Пусть приезжает скорее! Я ведь не знаю, что делать. Места себе не нахожу!

– Участковый есть у вас? – нахмурилась Юля. – Плевать теперь на военкомат, первым делом надо к нему обратиться. Где он находится?

– Понятия не имею! – вздохнула Глафира. – В прошлом году приезжал какой-то милиционер на мотоцикле, велел коноплю скосить. После того никто носа не казал.

– Ладно, – сказал Никита, – узнаем мы об участковом. Ирине тоже все передадим. Не волнуйтесь! – и с негодованием посмотрел на Юлю: – Шевелись!

Его колотило, как в лихорадке, от какой-то информации, явно неприятной, которую ему не хотелось сообщать при Глафире. Юля поэтому не огрызнулась, лишь обняла хозяйку и торопливо вышла во двор. Никита обогнал ее и вновь стал сражаться с непокорными створками. С трудом, но ворота открылись. Юля осторожно вывела машину на улицу. Никита закрыл ворота и, махнув Глафире на прощание рукой, почти упал на пассажирское сиденье. Старушка слабо улыбнулась, и в зеркало заднего вида Юля заметила, что она сделала несколько шагов вслед за машиной, словно боялась расстаться с последней надеждой.

* * *

– Ну? – раздраженно произнесла Юля. – Чего мы сорвались с места как оглашенные?

– Оглашенные не оглашенные, а надо спешить, – загадочно произнес Никита. – Угадай с трех раз, что я в лесу нашел?

– Чего гадать? – фыркнула Юля. – Я и без того знаю! Колония там бывшая.

Никита вытаращил глаза.

– Откуда?

– От верблюда! – усмехнулась Юля. – С местным дедулькой пообщалась. Колоритный такой, Михалычем зовут. Он на этой зоне... Как это сказать?

– Чалился?

– Вот-вот, чалился. Заодно рассказал, почему бабушка Макса так не любит эти места и жителей Каменного Брода.

И она подробно изложила историю, что рассказал ей Михалыч. Никита слушал не перебивая. Машина бодро преодолевала ухабы и рытвины, распугивала бабочек и стрекоз, усеяв-

ших лужицы на дороге. Солнце, потерявшее былую силу, медленно катилось к западу, когда они подъехали к лесу.

В зеленых дебрях стало еще прохладнее. Птицы уже не голосили в зарослях, только где-то в кустах строчили, как пулемет, сороки. То ли ругались отчаянно, то ли кого-то выследили. Перескочил дорогу заполошный заяц и дал стрекача, затаился в лесных буераках. Солнечные лучи пробивались сквозь листву, точно бойцы через баррикады, терялись среди ветвей, не достигая земли. Когда Юля закончила рассказ, Никита несколько минут молчал, напряженно вглядываясь вперед. Наконец медленно произнес:

– Не соврал твой Михалыч. Там действительно был лагерь. Забор бетонный кое-где остался, даже колючка поверху сохранилась. Видел остатки сторожевой вышки... Только, Юлия Владимировна, не все так просто. Хлобыстнулось на эту зону сверху что-то очень большое и все порушило вдрызг.

Юлия помолчала и неуверенно спросила:

– Может, внутри что-то взорвалось?

– Что может взорваться в брошенных бараках? Старые кровати и миски? Нет, Юля, пожара не было, потому что гореть там особо нечему. Эта штука снесла сосну, срезала вышку и врубилась в стену. В лесу, с той стороны, что заснял Макс, образовалась настоящая просека. Деревья лежат вершинами в направлении полета этой штуковины. И тут начинается самое интересное. Угадай, кого я там обнаружил?

– Людей в черном? – предположила Юля. – Они включили хитрые приборчики, яркая вспышка – и ты должен мигом все забыть. Но не забыл, потому что на тебе темные очки. Угадала?

– Почти! Там было три военных грузовика. Точно такие же мы видели, когда ехали сюда. В два солдата грузили какие-то черные ошметки. Возле третьего, с кучей антенн на крыше, стояли мужики в камуфляже, явно из РЭБ – войск радиоэлектронной борьбы, и что-то обсуждали. Я такие установки в армии видел. Но эта из последних, «Житель» называется, с мощным пеленгатором, похожим на карусель. И эта каруселька так живенько крутилась. Юлька, как ты думаешь, зачем эту штуку пригнали? Очень мощную и современную? Она ж любой сигнал подавляет, даже со спутника! И солярку жрет центнерами!

Она не успела ответить, потому что Никита подпрыгнул на сиденье и истошно закричал:

– Стой!

Юля так быстро нажала на тормоз, что обоих чуть не вынесло через лобовое стекло. Спасли ремни безопасности.

– С ума сошел? – заорала Юля. – Предупреждать надо!

Никита сморщился и потер грудь.

– Смотри лучше! Оттуда недавно что-то вывозили.

Они стояли у знакомой развилки, только выглядела она намного хуже. Тут явно проехала не одна машина, пока Юля и Никита были в деревне. Колея провалилась глубже, жидкая грязь влажно блестела на солнце.

– Они тут выбирались, чтобы со стороны Миролюбова их никто не заметил, – сказал Никита. – Но чего стариков бояться? – и махнул с досадой рукой. – Поехали, здесь уже нечего смотреть!

– По башке тебе дать бы, чтобы не лез, куда не просят! – со злостью сказала Юля, трогая машину с места. – А вдруг военные тебя заметили бы и повязали? И меня за компанию!

– Тебя-то за что?

– За все хорошее! – отрезала Юля и резко нажала на газ. Машина рванулась вперед, как испуганная антилопа. – Я всякое успела передумать! Вдруг ты, как Макс, ушел и пропал с концами, а я останусь в этой дыре навсегда. Столько из-за тебя перенервничала! Убила бы не глядя!

– С какой стати ты меня отчитываешь? – обиделся Никита.

– Не нравится? Могу отпеть! – отрезала Юля.

Никита надулся и замолчал, отвернувшись к окну.

Но молчал недолго. В животе у него заурчало, он покосился на Юлю и умилительно произнес:

– Давай заскочим в Каменный Брод! Проголодался я до жути.

– Что тебе мешало у Глафиры поесть? – вежливо справилась Юля. – Знал ведь, что до города пилить еще и пилить?

– Юлечка, пожалей! – Никита молитвенно сложил ладони. – В запале есть не хотелось!

– Но до Каменного Брода крюк большой, – не сдавалась Юля. – Там ведь шлагбаум, от леса не проехать.

– Магазин у них на въезде. Купим перекусить и – домой!

– Скажи, что хочешь на село снова взглянуть, – проворчала Юля. – В свете новых обстоятельств!

– Это попутно! Вот те крест! – Никита размашисто перекрестился.

– Безбожник! – фыркнула Юля. – Врешь как живешь! Только мне самой интересно! – и направила машину по дороге, что вела к Каменному Броду. – Но дай слово, что из машины не выйдешь!

– Легко! – Никита закрыл глаза и откинулся на спинку. – А если проедешь по селу, полгода твою машину мыть буду!

– Лучше бы разок бензином заправил, – усмехнулась Юля.

Никита сделал вид, что не расслышал.

Юля хотела сказать что-нибудь язвительное, но впереди завиднелся указатель «Каменный Брод», и вскоре «Тойота» свернула с проселка и выехала на асфальт.

Глава 9

Юлия добавила скорости, но на въезде в село вдруг притормозила.

– Глянь! И тут шлагбаум! Днем его, видно, поднимают!

Никита вытянул шею, пытаясь рассмотреть среди деревьев полосатую балку, вздернутую на цепях вверх.

– Правда твоя! Шлагбаум! Чего ж они так боятся? От кого на ночь запираются?

– Верно, есть от кого! – глубокомысленно заметила Юлия. – Одно знаю, здесь нам не рады!

Она остановила машину возле первого же магазинчика. На его крыльце разлеглась дворняга, толстая, как сарделька. Собака не сводила с дверей внимательных глаз. Юлия вышла из машины, приказав Никите носа не высовывать наружу, и поднялась по ступеням.

Он развалился на сиденье и лениво наблюдал за тем, что происходило на обозримом сквозь лобовое стекло пространстве. Стайка вполне городских по виду девчонок, весело болтая, продефилировала мимо, с любопытством оглядев незнакомую машину. Рослый мужчина неподалеку ковырялся в моторе трактора и отчего-то недобро косился в сторону «Тойоты». Из магазина вышла толстая тетка с сумкой, посмотрела на машину и даже губами пошевелила, словно запоминала номер, а затем убралась восвояси. Собака, отчаянно виляя хвостом, потрусила следом, подпрыгивая и приплясывая, ожидая подачки. Никита проводил собаку и тетку долгим взглядом.

Юлия вскоре появилась в дверях. В одной руке у нее был пакет, в другой – кошелек и мятые купюры. Но в тот момент, когда она приготовилась спуститься с крыльца, к магазину подъехал черный внедорожник с массивным «кенгурятником», подобных давно уже нет у городских машин. Джип чуть не снес крыльцо и Юлю вместе с ним, по крайней мере так показалось Никите. Забыв о запретах, он выскочил из машины. Нет, с Юлей ничего не случилось. Она что-то крикнула сверху и покрутила пальцем у виска. Затем обогнула джип и подошла к Никите.

– Нет, какой нахал!

Лицо ее покрылось красными пятнами, и Никита понял, что она не на шутку испугалась. Юлия сунула ему в руки пакет и с решительным видом направилась к внедорожнику. Он хотел ее удержать, но не успел. Навстречу девушке из задних дверей вывалились два крепких парня – коротко стриженных, в джинсах и майках, не скрывавших нешуточные бицепсы.

«Двое из ларца, одинаковых с лица», – некстати вспомнил Никита и почувствовал себя неважно. Парни смотрели исподлобья и явно не реагировали на Юлькину красоту. Кроме того, на передних сиденьях он заметил еще двоих, столь же крепкого водителя и пожилого мужика с брыластыми щеками и тяжелой челюстью.

– Юлька, поехали! – крикнул Никита. Голос прозвучал жалобно. И это было мерзко, даже перед лицом опасности.

Он бросил пакет на сиденье и подошел вслед за Юлей к машине.

– Что вы себе позволяете? – голос ее дрожал от негодования. – Чуть не раздавили меня! Хотя бы извинились!

– Кто такие? – прервал ее парень. Поверх ее головы он смотрел на Никиту. Значит, вопрос адресовался ему.

– Простите! – Никита старался изо всех сил, чтобы его голос звучал вежливо: – А вам какое дело? Заехали в магазин кое-что купить! Это запрещено?

– Чего с утра здесь шлялись? – подал голос второй. – Че вынюхивали?

– Что тут вынюхивать? – У Юли от ярости побледнели щеки и сузились глаза. – Мы дорогу в Мирюлюбово искали покороче, а тут... нагородили шлагбаумов!

– Ребята, – сказал доброжелательно Никита, – освободите проезд! Нужен нам ваш Каменный Брод как козе баян! Сейчас уедем и забудем как страшный сон!

– Если уедешь! – из кабины джипа показался тот самый мужик с челюстью. Был он на голову выше Никиты, и кулаки на вид имел пудовые. Холодная струйка пота стекла по позвоночнику, но Никита встал рядом с Юлей, слегка отеснив ее плечом.

– Какого черта ездили в Миролюбово? – резко спросил мужик и вытер пот со лба. – Что там искали?

– Не что, а кого, – ответил Никита. – Друг у нас пропал четыре дня назад. Пытались помочь, бабушку его успокаивали!

– Это Глафирин внук, что ли? – спросил один из парней.

– Глафирин, – кивнул Никита, – других там нет!

– И что? Нашли? – скривился мужик.

– Да где его искать? Мы здешних мест не знаем! – Никита смотрел на него безмятежно, словно воспитанник детского сада. – Мать у него в городе, пусть заявления пишет в полицию и МЧС.

Мужик смерил его долгим взглядом, насупился и неожиданно махнул рукой:

– Проваливайте! – Затем ступил на подножку джипа и приказал парням: – Поехали!

И тут Никиту словно бес поддел под ребро.

– У вас что, эпидемия сибирской язвы? Карантин?

Мужик обернулся и пробуравил его, казалось, насквозь яростным взглядом.

– Кому сказал, убирайтесь! Рыщете здесь! Еще раз увижу в селе, разговорами не отделяетесь!

И захлопнул дверцу. Джип рванул с места, как застоявшийся рысак, обдав их облаком пыли и выхлопных газов.

Никита и Юля отшатнулись и проводили внедорожник взглядом.

– Ненормальные! – произнесла с досадой Юля и направилась к «Тойоте».

– Это мы – ненормальные! – вздохнул Никита. – Чуть не схлопотали по роже, а за что – неведомо! Чем мы им помешали?

Открыв дверцу, Юля уселась в машину, старательно разгладила купюры, которые до сих пор держала в руке, и затолкала их в кошелек. Положив ладони на рулевое колесо, некоторое время задумчиво смотрела вперед.

– Что это было? – наконец спросила она, обращаясь в пространство. – Откуда взялись эти мордвороты?

Никита пожал плечами.

– Дед этот, Михалыч, сказал ведь, что крышу здесь держит этот, как его, Коровин – сын бывшего начальника колонии. Сдается мне, он сам нас пытался образумить или кто-то из близкого окружения. Надо сказать, весьма деликатно! Но не хотел бы я встретиться с ними на узкой дорожке.

– Ты заметил, они знают Максима, – тихо сказала Юля.

– И что? Тут они все друг друга знают! Деревня! Чужака сразу заметят.

– Да уж, – вздохнула Юля, – продавец тоже, чуть ли не допрос устроила, кто мы и откуда?

– И что ты ей сказала?

– Чтобы сдачу внимательнее отчитывала. Она меня на пятьдесят рублей хотела нагреть.

– Не быть тебе меценатом! – усмехнулся Никита.

– Я не претендую, – сухо заметила Юля и покосилась на него. – Кстати, у них тоже телевизоры не работают.

– Откуда знаешь?

– Видел бабу, что передо мною вышла? Жаловалась в магазине: четыре вечера подряд спать ложится рано, как пионерка. Новости и сериалы телевизор не кажет. Продавец ей поддакнула, мол, страдает не меньше и кто вдруг такую беду на село наслал? Даже спутниковые антенны не ловят сигнал...

И без перехода предложила:

– Давай-ка ты машину до трассы поведешь!

Никита посмотрел с любопытством.

– Это акт доброй воли?

– Вроде того, – виновато улыбнулась она. – Я ведь струсилась не на шутку, когда эти головорезы из машины вывалились! Мысли в голову дурацкие полезли. Михалыч не зря, наверно, сказал, что Макс, скорее всего, не найдется.

– Не найдется! – эхом отозвался Никита. – Чует мое сердце!

– Ты им специально сказал про полицию и МЧС?

– А как ты думаешь? – вопросом на вопрос ответил Никита. – И «быкам» это явно не понравилось!

Они вышли из машины, чтобы поменяться местами. Усевшись на место водителя, Никита с наслаждением погладил руль. Юля рассмеялась.

– Соскучился по машине?

– Не то слово! Думал «Дэу Матис» купить, так ведь засмеют. А на своих двоих мне страсть как надоело носиться. Может, Валерка твой продаст что-нибудь в кредит?

– Приедет, поговорим. Он тут «Майбах» недавно пригнал. Не хочешь приобрести?

– Издеваешься? – усмехнулся Никита и медленно, с шиком, тронулся с места. – Эх, хорошо идет, зараза. Надо себе такую же взять!

Некоторое время в машине был слышен только шум работавшего кондиционера. Юля зябко передернула плечами и открыла рот, чтобы задать вопрос, но не решилась. Вскоре они выехали на проселок, и «Тойота» снизила скорость. Никита вел ее аккуратно, объезжая по обочине лужи и глубокие рытвины, и угрюмо глядел вперед.

– Ты все-таки думаешь, Макса убили? – наконец, спросила Юля.

– Я не знаю! – ответил Никита. – В лучшем случае, он сидит сейчас где-нибудь под охраной как свидетель.

– Свидетель чего? Крушения НЛО? Ты сам в это веришь?

– Юль, я не верю. Я – знаю! Мне прислали запись. Я выехал на место и собственными глазами увидел поваленные деревья, место крушения, обломки черного металла и военных, собиравших их по всей округе. Понимаешь? Четыре дня назад эта штука свалилась с неба, четыре дня по всей округе не работают телефоны, радио и телевизоры. Зато недалеко от глухой деревни, на территории заброшенной колонии, стоят грузовики, один с глушилками, которые дают электронные сигналы. И если в это дело не вмешалась армия, тогда я папа римский.

– А в худшем... – начала было Юля, но тут ее сотовый издал соловьиный трель. Следом загнусавил телефон Никиты, возвещая о пришедшем сообщении.

– Вот, пожалуйста! – удовлетворенно сказал Никита. – Мы выехали за пределы подавления сигнала, и все сразу заработало.

– Раз ты взял за основу версию «Секретных материалов», – ядовито сказала Юля, – то можно предположить, что сигналы подавляли, чтобы скрыть падение объекта?

– Там уже нет никакого объекта! – возразил Никита. – Военные крупные части вывезли сразу, а сейчас шарят по кустам, собирают мелкие обломки.

– А Макс?

– Что ты пристала? Откуда мне знать? – разозлился Никита. – Конечно, свидетеля можно изолировать, но, чтобы сберечь военную тайну, проще тюкнуть по голове и закопать в овраге. Если они развели такую секретность, дело тут нечисто!

– А эти головорезы возле магазина? Ты заметил у одного из парней пистолет за поясом на спине? Я разглядела, когда он в машину садился.

– Ничего я не заметил! – буркнул Никита. – И забудем о них. Они к этому объекту никакого отношения не имеют. По их ромам видно, что к военным они даже за медовые коврижки не сунутся!

– Как мы матери Максима скажем?

– Все, что мы знаем. – Максим пропал! Никаких откровений, никакого падения НЛО или иного объекта!

– Не пытайся убедить меня, что ты не полезешь в это дело! – глухо сказала Юля. – Я ведь знаю – полезешь!

– Полезу! – кивнул Никита. – И ты полезешь, хоть и утверждаешь, что хочешь жить спокойно. Тебя любопытство заест, как ту кошку!

Юля фыркнула, но в глубине души признала его правоту. Мирная жизнь, которую она вела весь прошедший год, давно приелась. Семья, работа, стабильность – три кита, на которых держалась почва под ногами. Море вокруг было спокойным, а небо – безоблачным, но штиль не просто завораживал. Он убаюкивал и расслаблял до такой степени, что она временами почти впадала в анабиоз, когда все процессы в организме настолько замедлены, что стирается грань между жизнью и смертью. Но авантюристы не выходят на пенсию, не меняют характера и даже не пытаются усмирить тягу к приключениям. И тогда три кита начинают беспокойно ворочаться с боку на бок, почва скользить под ногами, а семейный корабль дает ощутимый крен. Поэтому Юля предпочла промолчать, прекрасно понимая, что не сможет устоять перед соблазном раскрутить этот вихрь событий до настоящего смерча. И даже не будет сопротивляться!

Ирина встретила их у подъезда. Она сидела на скамейке в полном одиночестве, скорчившись, как старая тряпичная кукла, жалкая и притихшая. Ей хватило одного взгляда на Никиту, чтобы понять: все плохо! Черты ее лица исказились, глаза предательски заблестели, а мышцы на шее судорожно задергались, словно она беспрестанно сглатывала сухой комок.

Никита подошел к ней, обнял за плечи, виновато улыбнулся и тихо сказал, что Максим пропал.

Юля не слышала, что он говорил дальше. Видно, успокаивал, потому что гладил Ирину по голове, точно маленькую. А она слушала, и губы ее тряслись как в лихорадке.

– Вам нужно обратиться в полицию, – наконец сказал он более громко. – Пусть лучше в армию идет! Четыре дня – не шутка. Я очень вам сочувствую и попробую узнать о Максиме по своим каналам, но без официального заявления я ничего сделать не смогу.

Он постоял еще немного, ожидая, что Ирина начнет что-то уточнять, задавать вопросы, но она промолчала и, закрыв лицо ладонями, шатаясь, направилась к дому.

– До свидания! – сказал Никита ей в спину.

Ирина не ответила. Сгорбившись, как старуха, она с трудом добрела до подъезда, нажала на кнопки кодового замка и вошла в подъезд. Металлическая дверь с пушечным грохотом захлопнулась за ней.

Часть II. Серый кардинал

Глава 1

На пресс-конференцию в региональное управление МЧС Никита прибежал загодя. Взбесившийся термометр издевательски показывал тридцать градусов. Духота на улице стояла невероятная. Воздух был горячим и густым, как сироп, и с трудом проникал в легкие. Окна в зале были закрыты, кондиционер то ли выключили, то ли он вообще не работал. Журналисты – потные, с красными лицами – вяло приветствовали друг друга, лениво обменивались короткими репликами. Вскоре сотрудник пресс-службы догадался открыть окна, впуская вместе с птичьим гомоном волну свежего воздуха. Стало немного легче дышать, и журналисты оживились, заговорили громче, повеселели.

Юля, как обычно, опоздала и влетела в зал, когда сотрудники управления заняли свои места за длинным столом, заставленным микрофонами местных телекомпаний. Следом за Юлей ввалился собкор столичной газеты Виктор Сахно – поджарый, лет сорока, с успевшим загореть лицом. Он шумно дышал и вытирал шею огромным клетчатым платком. За ним важно, как дирижабль, всплыла знаменитая меломанка и тусовщица Вера Гаврилова. Несуразную фигуру не скрывал стильный брючный костюм, а неопрятно торчавшие волосы – широкополая белая шляпа с огромным красным пионом. Она сняла квадратные очки в тяжелой оправе, протерла их салфеткой и, близоруко прищурившись, обвела зал взглядом. Маленькие глазки превратились в щелочки и потерялись за толстыми щеками околосветской львицы. Она наступила Никите на ногу, сделала вид, что не заметила, и прошествовала в первые ряды, где бесцеремонно согнала телевизионного репортера и уселась на видном месте, заслонив шляпой обзор сидевшим сзади коллегам.

Сахно торопливо поздоровался, достал из сумки фотоаппарат и устроился у стены. Юля, заметив свободный стул рядом с Никитой, протиснулась к нему.

– Чего опаздываешь? – прошипел Никита.

Юля неопределенно пожала плечами, роясь в сумке. Начальник управления генерал Орлов – крепкий коренастый мужчина лет пятидесяти, почти лысый, с резкими чертами лица, его заместитель Сергей Савенков и пресс-секретарь Евгений Калинин, сблизив головы, тихо о чем-то беседовали. Лица у них были мрачными, а у генерала еще и сердитым. Справа от генерала восседал незнакомый мужчина с длинным худощавым лицом и серыми водянистыми глазами под тяжелыми веками. Он бесстрастно смотрел в зал, и все-таки Никита кожей почувствовал его взгляд – неприятный, колючий. В отличие от эмчээсников в форменных рубашках с короткими рукавами незнакомец был в строгом костюме и в рубашке с галстуком. Пресс-служба почему-то не поставила перед ним табличку с именем и фамилией и, естественно, с должностью.

– Что за хмырь? – тихо спросила Юля, мотнув головой в его сторону. Никита вытянул шею и даже привстал.

– Впервые вижу. Может, новенький?

– Морда неприятная! – сказала Юля. – Того гляди в застенки потащит!

Орлов откашлялся. Журналисты притихли и синхронно включили диктофоны. Операторы направили на генерала объективы камер.

– Добрый день, дамы и господа, уважаемые журналисты, – начал Орлов негромким, хорошо поставленным голосом. – Мы собрали сегодняшний брифинг в связи с чрезвычайным происшествием. На прошлой неделе в Сергиевском районе, вблизи села Каменный Брод, произошло крушение самолета «Ан-24», выполнявшего спецрейс в лесомассив на предмет

обнаружения возгораний. Самолет принадлежал авиаотряду из соседней области. Пять членов экипажа и три сотрудника пожарной охраны погибли. По предварительной версии, причиной крушения стал отказ обоих двигателей.

Орлов кивнул Евгению Калинину, и тот нажал на кнопку пульта дистанционного управления. Большой плазменный телевизор услужливо вспыхнул, показывая фотографии с места катастрофы. Юля и Никита переглянулись.

Пейзаж был насквозь знакомым. Всего несколько дней назад Никита наблюдал его лично, а Юля – на фотографиях. Те же сосны, та же бетонная стена, оплетенная ржавой колючей проволокой, разрушенная сторожевая вышка. Только по всему плацу разбросаны закопченные фрагменты фюзеляжа, рваные куски обшивки, искореженные крылья, разбитые двигатели с изувеченными винтами. На фотографиях вокруг горы обломков суетились пожарные с длинными шлангами, размахивали руками люди в камуфляже. Выглядело все убедительно. Упал самолет, восемь человек погибли. Жутко, печально, но бывает. Не зная предыстории, легко можно поверить.

– Вопросы, пожалуйста, – нахмурившись, сказал Орлов, заранее предполагая, от кого последует первая реплика.

Он не ошибся. Сахно, который безостановочно щелкал «Кэноном», встрепенулся и спросил:

– Самолет пропал на прошлой неделе. Почему о крушении сообщили только сейчас?

– Мы долго не могли найти его, – с заминкой пояснил Орлов, бросив быстрый взгляд на мужчину в штатском. – Обломки, знаете ли, разбросало.

– То есть он взорвался в воздухе? – не унимался Виктор.

– Вероятно. Сейчас проводится, э-э-э, ряд экспертиз. Часть фюзеляжа до сих пор не обнаружена. Самолет удалось найти совершенно случайно.

– А куда он так удачно упал? Что это за строения на фотографиях? – продолжал допытываться Виктор.

Орлов снова бросил взгляд на мужчину в штатском и нехотя пояснил:

– Это бывшая исправительно-трудовая колония.

ИТК-17. Ее закрыли в девяносто пятом году. По всей вероятности, пилоты заметили свободное от леса пространство и пытались приземлиться.

– С чего вдруг? – не сдавался Сахно. – Там же нет посадочной полосы. Строения, наблюдательные вышки – никакого шанса на благополучное приземление.

– К сожалению, мы не можем пока сказать что-то конкретное, – отрезал Орлов. – Результаты экспертиз, расшифровка «черных ящиков» будут готовы позднее, в установленные законом сроки, и тогда мы сообщим о них в прессу.

– Расскажите немного о пожарных и членах экипажа, – попросила из-под шляпки Гаврилова. – Их имена, возраст... В пресс-релизах об этом ни слова.

– Эту информацию сообщат дополнительно, – резко ответил Орлов, но Гаврилова прервала его с не меньшим раздражением:

– С чего вдруг тайны? Разбились восемь человек. Читатели газеты должны знать их имена. Мы не можем давать материал о трагедии в виде сухого пресс-релиза.

Орлов налился краской и явно приготовился накричать на журналистку, но тут в беседу вмешался мужчина в штатском.

– Уважаемые журналисты, ситуация осложняется тем, что члены семей погибших еще не знают о катастрофе самолета. К тому же тело одного из пожарных до сих пор не обнаружено. Поэтому не хотелось бы внушать людям напрасных надежд. Очень прошу, воздержитесь пока от неуместного любопытства.

– А вы кто? – нахально поинтересовалась Гаврилова.

Орлов приподнялся, видно, в знак уважения.

– Позвольте представить, Олег Александрович Разумовский, руководитель поисковой операции, заместитель начальника Федерального агентства воздушного транспорта России.

– Что ж они так его законспирировали! – с досадой прошептала Юля. – Табличку не поставили, представили, когда приперло!

– Врут и не краснеют! – столь же тихо отозвался Никита. – Пожарный самолет упал, а они аж заместителя начальника сюда из Москвы притащили. Чего ж не сразу министра транспорта? Еще президента можно, только тогда они не сидели бы здесь с постными рожами!

Юля кивнула. Тип с колючим взглядом на большого столичного начальника смахивал мало. Говорил он мягко и вкрадчиво, а в конце речи, адресованной Гавриловой, мило улыбнулся, но взгляд оставался прежним – цепким и напряженным.

– Еще вопросы? – спросил Орлов.

Никита поднялся с места и небрежно осведомился:

– Скажите, связано ли с крушением самолета то обстоятельство, что в течение нескольких дней с момента его предположительного падения в районе бывшей ИТК-17 в ближайших селах отсутствовала телефонная связь, не работали радио и телевизоры?

Орлов открыл рот, глотнул воздух, как выброшенная на берег рыба, и коротко ответил:

– Во всяком случае, насчет отсутствия связи нам неизвестно. – И перевел взгляд на журналистов. – Нет больше вопросов? Тогда...

– А не могло так случиться, что обломки самолета повредили вышку связи в райцентре? – попытался Никита, не желая садиться на место.

Сахно прищурился, подобрался, почуввав сенсацию, и уже не сводил с него глаз.

– Неполладки со связью вызваны, скорее всего, другими факторами, – сказал, как отрубил, Орлов. – Маршрут самолета проходил в стороне от райцентра.

– В связи с крушением жители и частные постройки в окрестных селах не пострадали? – не унимался Никита.

– Нет! Жалоб не поступало!

– Спасательные работы продолжаются?

– Безусловно! Будем вести поиски до тех пор, пока не найдем тело третьего сотрудника лесной охраны, – вклинился в разговор Разумовский.

Никита криво усмехнулся и сел. Сахно смотрел на него с нескрываемым любопытством.

И тут подала голос Юля. Она подняла руку и спросила, тихо и вкрадчиво, но так, что услышали ее все:

– Объясните, пожалуйста, почему ни на одной фотографии мы не увидели медиков? Ни одного автомобиля с красным крестом. Или врачей по какой-то причине не допустили к месту катастрофы?

Орлов побагровел.

– Не порите чушь! С чего вы взяли?

Но Разумовский остановил его взглядом и повернулся к Юле.

– Милая девушка, были там и медики, и автомобили с красным крестом. Только нам важнее было показать место катастрофы, как вы понимаете. У медиков, как ни жаль, было много работы. Большею частью за кадром. Скорбной и неприятной. Вы уж поверьте, никто ничего от вас не скрывает!

Он снова улыбнулся и даже руками развел – вот мы какие, насквозь правильные! И работаем на износ. Что же вы нам не верите?

Поскольку вопросов больше не было, пресс-конференцию свернули. Журналисты разбежались по душным редакциям освещать сенсацию. Юля и Никита медленно побрели к парковке. Он хмурился, она молчала.

– Что затеяли, молодежь? – неожиданно гаркнул над ухом Сахно, поджидавший их у своей машины, стоявшей рядом с Юлиной «Тойотой».

– С чего вдруг затеяли? – лениво справился Никита.

– Так вы опять вместе, как шерочка с машерочкой, – рассмеялся Виктор. Видно, посчитал шутку невероятно смешной. – А когда вы вместе, это значит – жди беды!

– Витя, ты никуда не торопишься? – ласково почти пропела Юля.

– Тороплюсь! А как же! Хочу узнать, зачем ты вопросы про вышку задавал? Правда, что ли, телефоны не работали?

– И телевизоры не показывали! – буркнул Никита. – Съездил бы, узнал подробности.

– А ты?

– Что я там забыл? Оно мне надо? Новость на десять строк!

– Это, конечно, так, но, знаешь ли...

Виктор с задумчивым видом проследил, как Юля и Никита сели в машину, видно, решал, не отправиться ли за ними. И действительно пристроился в хвост «Тойоте», но через два квартала, вероятно опомнившись, свернул в боковую улицу.

– Ну все, отпал, как бородавка! – весело сообщила Юля, глядя в зеркало заднего вида.

– Наверняка поедет на место падения, – раздраженно сказал Никита.

– Тебе жалко? Пускай едет! Увидит обломки, разнюхает, что связь не работала, так мы ему об этом сами сказали. Главное, мы знаем, что самолет там не падал. Свалилось что-то другое!

– Я бы тоже съездил, – вздохнул Никита. – Охота в лесу побывать и заодно до соседней области прокатиться. – И развернулся к Юле: – Ирина написала заявление в полицию о пропаже Макса, но никаких следов, ни одной зацепки. Правда, есть у меня идея, которая ментам даже в голову не придет.

– Какая?

– Ты поедешь со мной? – вместо ответа спросил Никита.

Юля вздохнула.

– Куда деваться? Поеду!

– Только оденься попроще, – посоветовал Никита. – Кроссовки, джинсы, и ветровку прихвати. Солнце палит как очумелое, может грозу накликать.

– Слушаюсь, командир! – лихо отсалютовала она, приложив два пальца к козырьку гламурной розовой кепки. И, помолчав, добавила: – Лишь бы Валерка раньше не вернулся!

– Давай не откладывать в долгий ящик. Завтра и махнем! И Ирину прихватим. Она и так почернела от горя.

– Давай! – кивнула Юля.

Сегодня она была на редкость покладистой и немногословной. Никита окинул ее подозрительным взглядом: с чего вдруг? Но Юля ответила ему безмятежной улыбкой.

– Утром заеду за тобой! Предупреди Светку, чтоб от радости не умерла от такого сюрприза.

Глава 2

Никита стоял возле подъезда в компании рыжеволосой подруги, облаченной в пестрое одеяние, которое смахивало то ли на кимоно, то ли на распашонку. Юля подъехала к дому. Брошенный Светкой взгляд мог бы испепелить кого угодно, но она, закаленная борьбой с многочисленными конкурентками, и бровью не повела. Никита чмокнул пассию в щечку и поспешил к машине. Светка побрела в дом.

– Привет! – обрадованно произнес Никита и полез с поцелуями.

Но Юля отстранилась.

– Твоя ненаглядная сейчас в окно смотрит, а ты с телячьими нежностями!

И без перехода спросила:

– Ирину предупредил?

Никита мигом стал серьезным.

– Предупредил! Ждет нас.

И, садясь в машину, вздохнул:

– Честно говоря, не знаю, как она эту беду переживет?

Они выехали со двора. Машин поутру было много, и Юля сосредоточилась на дороге. Никита с подавленным видом молчал, наверно, думал о неприятностях, которые градом сыпались в последнее время.

Наконец заговорил:

– Скажи на милость, зачем понадобилось подбрасывать на место крушения липовые обломки, пресс-конференцию созывать да еще мутного типа якобы из министерства приглашать? Про катастрофу никто ничего не знал, даже местные словом не обмолвились. Единственным свидетелем оказался Макс, который тут же пропал. И потом, ты видела запись? Похоже это на крушение самолета?

– Ни капли! – твердо ответила Юля. – Больше смахивало на аварийную посадку.

– Вот! – глаза у Никиты полыхнули торжеством. – Если б эта зараза рухнула да еще взорвалась, грохот и на трассе, и в райцентре слышали бы, не то что в Миролобове или в Каменном Броде. А толчок? Что, никого на постели не подкинуло, люстры не тряслись, стекла не дребезжали? Вон уголь на карьере взорвут, и то стул подо мною едет!

– Так, может, подумали, что опять на карьере взрывают, и не обратили внимания? – робко заметила Юля.

– Вот еще! – отмахнулся Никита. – Ты в своем уме? Кто ночью на карьере будет взрывать? А зарево от пожара куда делось? По уму, полтайги должно выгореть, а там ничего подобного! Небольшой лесоповал от воздушной волны, десяток опаленных сосен, снесенная вышка да длиннющая борозда. Бетон будто вспороли перфоратором. Да там через полчаса масса народа должна была сбежаться, чтобы поглазеть! Но никто не сбежался, и вообще – несколько дней абсолютная тишина, отсутствие связи по всей округе, а затем – пафосная пресс-конференция, на которой нам мастерски навесили лапшу на уши. Зачем?

– Журналисты могли узнать о катастрофе и разстрезвонить на весь свет.

– Откуда, если ее не было? Это мы знаем, что там ухнуло нечто иное, нежели обычный «Ан». И то лишь благодаря Макссу. Если б кто-то еще узнал, газеты и телевидение верещали бы на все голоса. Неделя прошла, можно было вообще ничего не сообщать. Однако нам подсунули жирную утку. На фига этот головняк?

Юля настолько глубоко ушла в себя, задумавшись над его вопросом, что умудрилась проскочить на желтый свет под неодобрительные гудки водителей.

– Непонятно! Совсем! – призналась она наконец. – Нецелевое разбазаривание левой информации. Или показуха эта не только для прессы?

Никита застыл на несколько секунд, а затем радостно улыбнулся.

– Ты права! Показуху устроили не только для нас. Узнать бы для кого еще?

Но развить эту тему не удалось. Они забрали Ирину, а при ней обсуждать катастрофу сочли неприличным. Мать Максима, неестественно выпрямившись, сидела на заднем сиденье. Всю дорогу до Миролюбова она молчала, лишь на лице росли и становились ярче два пунцовых пятна. Она с такой силой стиснула ручку сумки, стоявшей у нее на коленях, что побелели костяшки пальцев.

Юля изредка бросала на нее взгляд в зеркало заднего вида, и сердце ее сжималось от жалости. Лихорадочный румянец, бледные губы, опухшие от слез глаза, напряженная поза – Ирина держалась из последних сил. И они ничем, абсолютно ничем не могли ей помочь! Слова сочувствия казались мелкими и ничтожными. И есть ли такие слова на свете, которые способны утешить мать, потерявшую единственного сына?

Глафира словно не уходила в дом с той поры, как они покинули Миролюбово. Встретила у ворот, бросилась к Ирине, обняла за плечи и повела в избу.

Стараясь не привлекать внимания женщин, обезумевших от горя, Юля и Никита с трудом, но развели створки ворот, загнали машину во двор и напрямиком направились к озеру. На берегу остановились у кромки воды и огляделись. По траве и песку носились серые трясогузки, пару раз крякнула на гнезде утка, тихо шуршали камыши, трещали крыльями над головой стрекозы, волны лениво плескались возле деревянных свай. Где-то в деревне замычала корова и тут же смолкла, словно испугалась. Казалось, жизнь вокруг замерла, прикинувшись спящей или мертвой. И тишина стояла такая, что они услышали сигнал электрички, промчавшейся километрах в десяти от Миролюбова.

Никита мечтательно вздохнул, неожиданно обнял Юлю и продекламировал:

Паровозный гудок,
журавлиные трубы,
и зубов холодок
сквозь раскрытые губы.
До свиданья, прости,
отпусти, не неволь же!
Разойдутся пути
и не встретятся больше...

Юля дернула плечом, освобождаясь:

– С чего вдруг на лирику потянуло?

– Это Евтушенко, – грустно поведал Никита. – Ранние стихи...

И взял ее за руку.

– Пошли? Вон над лесом двуглавая сопка едва виднеется! Под ней как раз эта ИТК!

Юля кивнула. Действительно, чего ждать? Место крушения загадочного объекта им известно, но до него еще нужно добраться. Живыми и невредимыми! Она вновь вспомнила Максима, и словно повеяло ледяным ветром, а день – ясный, солнечный – посмурнел, как в осеннюю непогоду. Желание разведать тайну показалось вдруг крайне легкомысленным, а в голову закралась трусливая мыслишка оставить все как есть и бежать отсюда куда глаза глядят, забиться в щель и ни в коем случае не лезть на рожон. Никогда! Но стыд пересилил доводы рассудка. Она добровольно подписалась на это безумство. Отступать было поздно, кроме того, Юля боялась увидеть презрение в глазах Никиты. Как бы она ни хорохорилась, как бы ни изображала сталь и кремень, но только его присутствие позволяло ей ощущать себя сильной и уверенной. Поэтому она решительно сделала первый шаг, а дальше покатило как бы само собой.

Лес вновь заиграл разными оттенками зелени, от нежной – берез – до малахита сосновых лап. Под уходящими в небо стволами было не менее жарко, чем на берегу озера. Солнце только-только перевалило зенит, и деревья почти не отбрасывали тени. Яркие блики прыгали по молодой листве, влажным после утренней росы травам, слепили так, что не спасали темные стекла очков. Пряно пахло смолой, остро – муравьиным спиртом и резко – молодым папоротником. Среди густой травы мелькали белые куртины ветрениц, желтые и розовые – примул, синие – медуниц. Небольшой распадок затянули кусты лесного пиона – «марьиных кореньев». Огромные алые цветы – влажные, тяжелые – уже распустились, а у шиповника пока лишь набухли бутоны. Раскроются они к середине июня, когда лето окончательно вступит в свои права.

Где-то далеко прокуковала кукушка, напомнив о тщетности бытия, и смолкла прежде, чем Юля сообразила подсчитать, сколько лет ей осталось жить. Она догадывалась, что еще долго, и поэтому на кукушку не обиделась.

Лес, несмотря на покой и благодать, необитаемым не смотрелся. Порхали с ветки на ветку птицы, процокала над головой белка. Рыжее тельце мелькнуло среди колючих лап и исчезло. Громко прокричал кобчик на вершине сосны и мягко спланировал вниз, видно, заметил добычу. Свидетельства того, что люди здесь побывали недавно, встречались на каждом шагу. Взгляд выхватывал среди травы то пустую пачку от сигарет, то пластиковую бутылку, то яркую упаковку. На поляне среди соснового молодняка они наткнулись на смятый пакет из-под сока, огрызок огурца и на консервную банку, которая не успела потемнеть. На этикетке хорошо читалось: «Тушенка говяжья». Трава вокруг была примята. Похоже, недавно тут устроились перекусить, но мусор убрать забыли.

– В прошлый раз тут было чище, – негромко сказал Никита. – Никакого хлама точно!

– Видно, спасатели прошли, – отозвалась Юля.

– И что? – вызверился Никита. – Теперь надо вести себя как свиньи? Весь лес загадили!

Неужто тяжело прихватить мусор и выбросить на помойку?

Юля не ответила. Неясное чувство тревоги снова проснулось в душе, опутав ее прочными нитями страха. Никита покосился на нее и понял, что Юле не по себе, потому что сказал гораздо мягче:

– Вот и пришли. Почти! Еще метров сто – и забор. Вон за тем кустарником!

Впереди и впрямь виднелась серая бетонная стена с облезлыми черными буквами «Проезд запрещен!». Плиты ограждения покосились, точно их подмыло водой, а кое-где рухнули вовсе. Но ветви загораживали обзор, и то, что происходило на территории бывшей ИТК, рассмотреть было невозможно.

– Там есть проход, – негромко сказал Никита, махнув рукой вправо. – Можно спокойно пролезть. Только не шуметь и двигаться за мной, след в след. Общаться будем жестами. Понятно?

– Что именно? – быстро спросила Юля.

– Лучше тебе вернуться, – неожиданно сказал он и тут же спохватился: – Хотел сказать: отведу тебя обратно, а сам вернусь.

– С чего вдруг? – возмутилась она, но по дрогнувшим губам он понял: хочет вернуться.

– Да маетно что-то. Ощущение неприятное, как будто кто-то пялится в спину. Или целится. Между лопатками.

– Я тебя не оставлю, хотя и боюсь, – честно призналась Юля.

Никита скривился и огляделся по сторонам.

Сказать, что тайный наблюдатель напугал его, Никита не мог. Людей он не боялся, а в знаки судьбы особо не верил. Черные кошки вызывали у него умиление, а не желание трижды плюнуть через плечо. Разбитое зеркало он преспокойно выбрасывал в мусор, рассыпанную соль сметал веником. Рассказы о пришельцах, похищающих людей, о полтергейсте, о летающей посуде, таинственных скрипах и стогах на чердаках вызывали здоровое любопытство,

замешанное на иронии. Никита не ломал голову над этими явлениями до тех пор, пока ему не пришло на телефон проклятое сообщение с мольбой приятеля прийти на помощь, если вдруг...

Лежа в постели рядом с посапывающей Светкой, Никита так и этак прокручивал в голове сложную ситуацию, в которой оказался Максим. И распутать ее не было никакой возможности, кроме как выехать на место и попробовать разобраться, что же произошло на самом деле в этом богом забытом краю? Отправиться на свидание с неизвестностью, вооружившись диктофоном и фотоаппаратом, в компании верной Юльки – роковой красавицы, язвительной стервы, бывшей возлюбленной, с которой так и не удалось дойти до загса... В паре они распутывали сложные и опасные дела, и даже едва не погибли... Сейчас, под сводом колючих ветвей, Никите внезапно стало страшно. А вдруг у него не хватит сил защитить и спасти это вредное и упрямое создание?

Но Юлька, похоже, решила идти напролом.

– Ты хоть оружие прихватил? – спросила она. – Вдруг на засаду напоремся, чем будешь отбиваться?

Никита молча достал из внутреннего кармана куртки пружинный охотничий нож. Юля с одобрением посмотрела на солидный клинок, вынула из сумки небольшой пластмассовый цилиндр и нажала на кнопку. На тонких усиках, торчавших из цилиндра, с противным «з-з-з-з» вспыхнула голубая молния.

– Классно! – обрадовался Никита. – Только мне в спину не ткни! Если что, оглушишь врага шокером, а я его выпотрошу.

– Пошли! – устало сказала Юля. – И без того страшно!

Глава 3

Высокая сопка с двумя вершинами нависала над лесом и чем-то напоминала незавершенную латинскую букву «V». Была она неряшливой, словно обглоданной с одного бока. Редкий лиственный лес, кривой, истерзанный ветрами, лепился заплаткой под левой вершиной, правая была увенчана скалами, разрушенными непогодой и временем. Тень сопки падала далеко окрест, и от этого здесь было сумрачно и сыро.

Одна из бетонных плит, окружавших колонию, лежала на земле. Осторожно раздвинув ветки, они миновали ограждение и присели в тени кустов, чтобы оглядеться. Судя по приямтой траве, недавно здесь побывали люди, вытоптали желтые первоцветы, местами сорвали дерн тяжелой обувью. Напротив их укрытия располагались корпуса барачков с пустыми оконными проемами, в которых кое-где сохранились ржавые металлические рамы и решетки, за ними виднелись две наблюдательные вышки – друг против друга. Вернее, одна еще походила на вышку, у второй верхняя часть была срезана словно гигантской бритвой. Разбитая будка для часовых валялась на земле.

Пригнувшись, они бегом пересекли плац. Сквозь трещины в асфальте пробивалась трава, а в выбоинах проросли сосенки и кусты ольхи. Они устроились за горой шифера и деревянных балок, видно, сброшенных с крыши административного здания, что возвышалось за их спинами мрачной двухэтажной громадой. Тишина вокруг стояла такая, что слышно было, как свистит ветер сквозь выбитые окна и двери. За зданием, с другой стороны плаца, виднелись остатки кирпичной теплицы. На ее крыше сохранились кое-где стеклянные квадраты, а внутри все было порушено и побито, будто теплица являлась здесь главным источником зла, который надо было непременно уничтожить.

Рядом с теплицей росла огромная раскидистая береза. Казалось, дровосек-великан одним махом рассек ее от верхушки и почти до корня, отчего одна половина ствола упала на теплицу, а другая клонилась к земле, подметая ветвями асфальт. Листья успели завянуть, но не высохли, значит, беда с березой случилась неделю или чуть меньше назад. Но не это привлекло их взгляды.

Метрах в двадцати от барачков лежал самолет, пропахавший длинную борозду через весь плац. Куски сухого дерна и обломки асфальта кто-то собрал в кучу под той самой несчастной березой. Изуродованный хвост валялся возле барачков. От фюзеляжа осталась лишь гора обломков: рваные куски обшивки, скрученные алюминиевые конструкции, месиво из механизмов, обрывков проводов, остатков пассажирских сидений и кабина пилотов с выбитыми стеклами и вывернутыми наружу датчиками приборов. Оба двигателя с искореженными винтами и со следами горения на обшивке лежали в стороне, похоже, их оттащили уже после катастрофы. Одно крыло, разорванное на части, разметало по плацу. Второе, почти не пострадавшее от страшного удара, лежало рядом с грудой обломков, как винтовка раненого солдата, которую тот тащил за собой из последних сил, пока не умер под палящим солнцем.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.